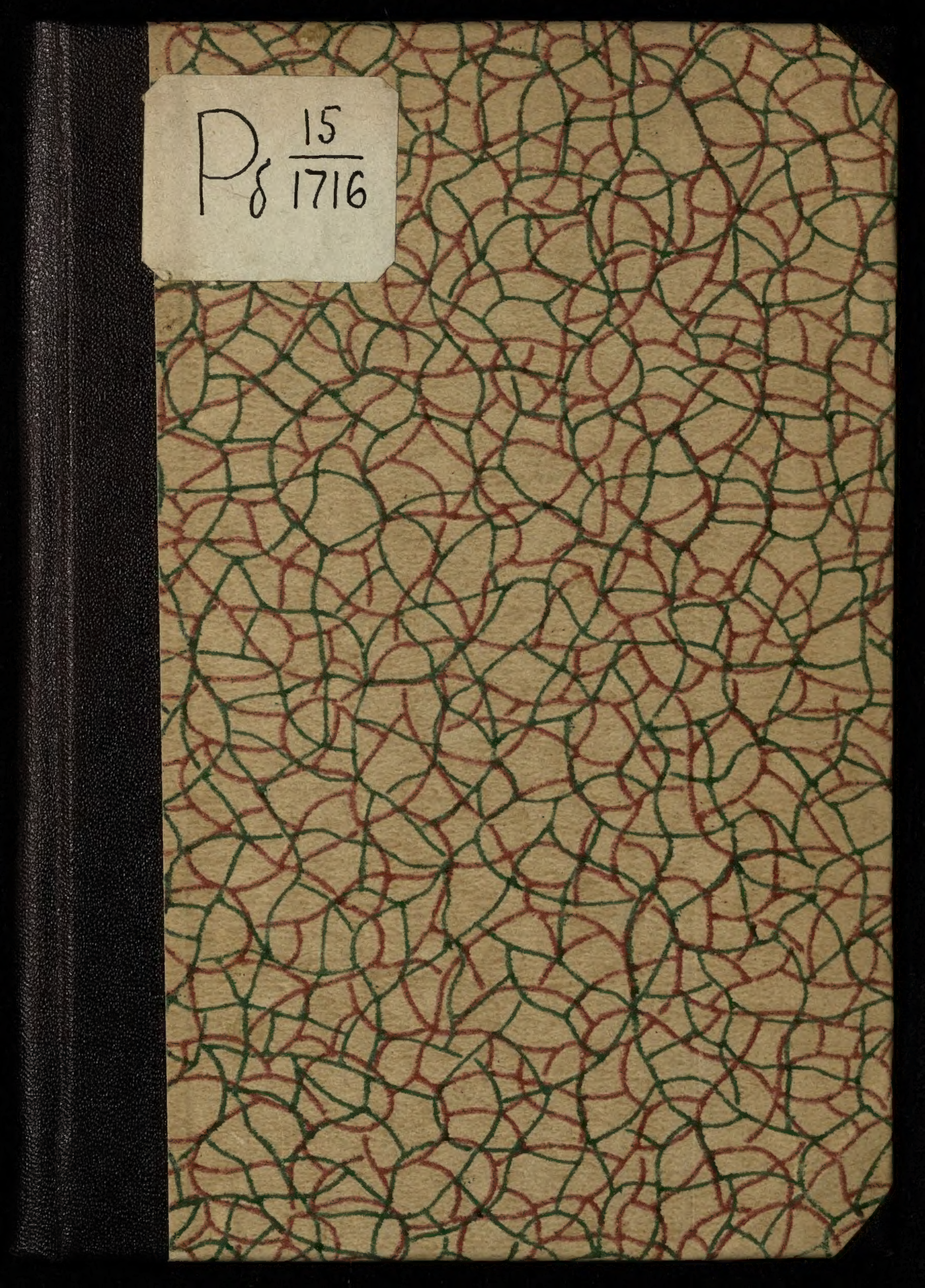
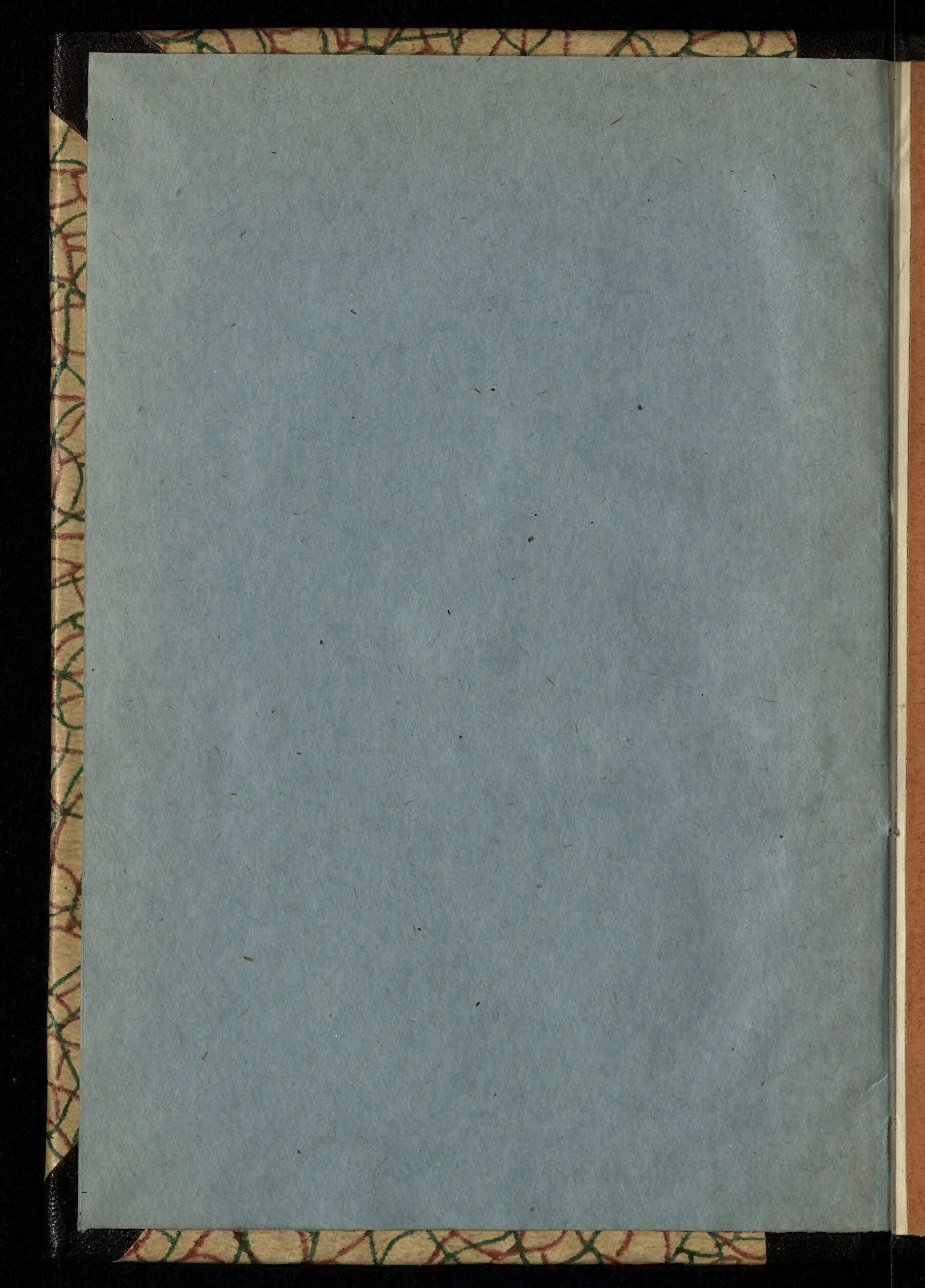

Современная Библіотека.

Н. Мировичъ.

Очерки изъ исторіи великой французской революціи.

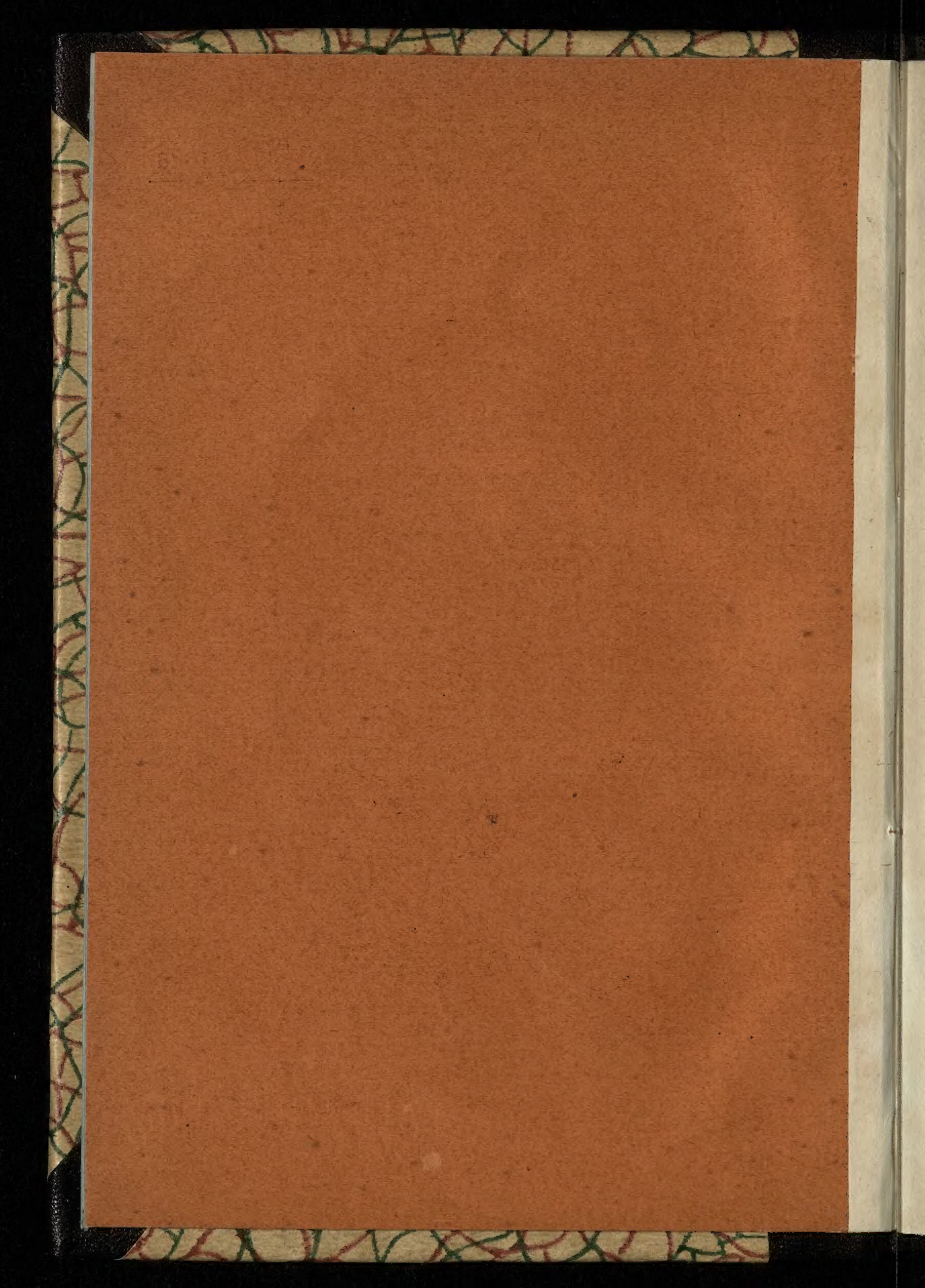

Цѣна 10 коп.

Сенъ-Жюстъ.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Современная Библіотека.

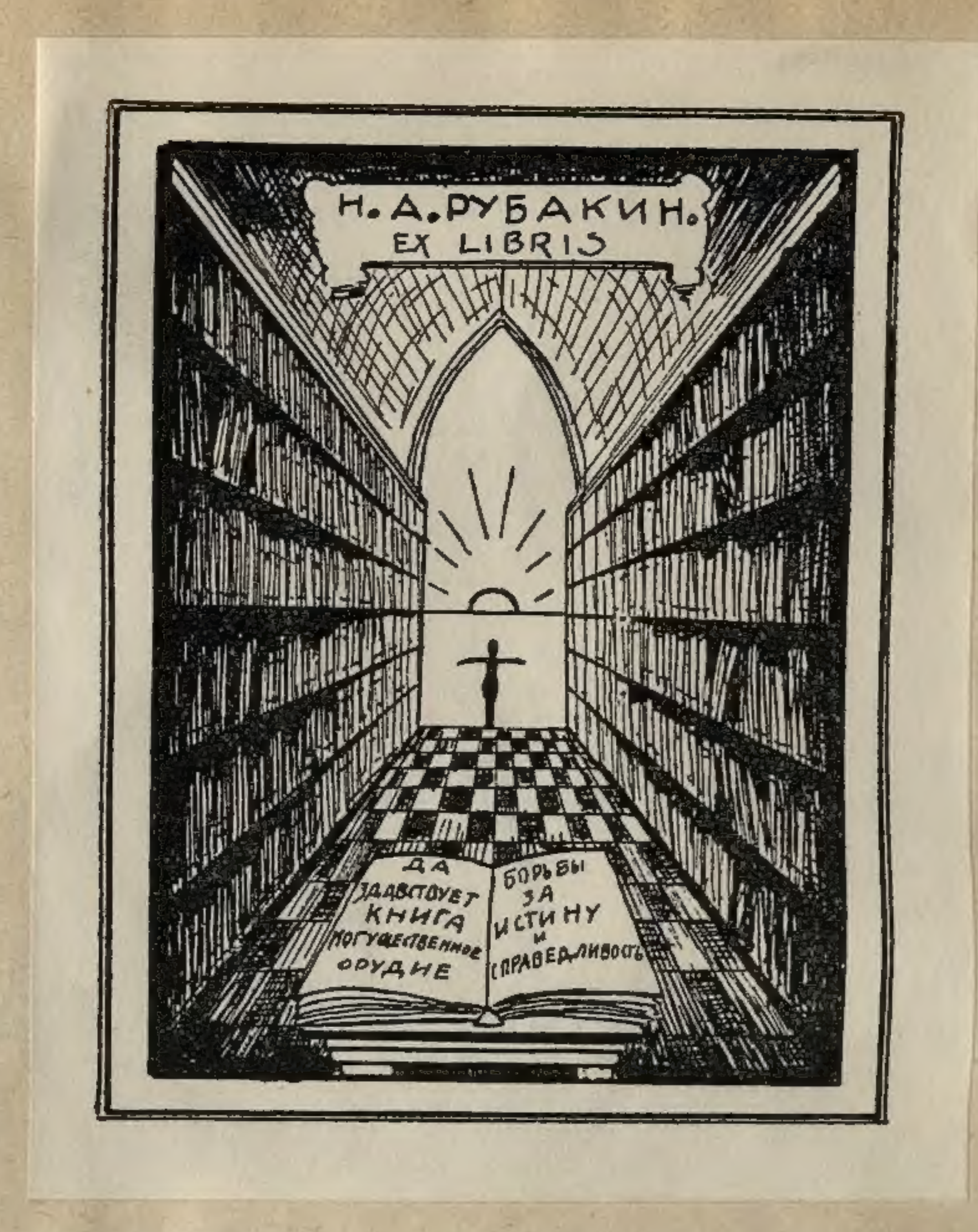
Н. Мировичъ.

Очерки изъ исторіи великой французской революціи.

Сенъ-Жюстъ.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 іюля 1905 г.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1906.

СЕНЪ-ЖЮСТЪ.

Сенъ-Жюстъ.

Сенъ-Жюстъ.

Между всѣми яркими индивидуальностями, которыми такъ богата эпоха французской революціи, выдѣляется своеобразная личность молодого человѣка, почти юноши, своей кратковременной политической дѣятельностью оставившаго глубокое впечатлѣніе на всѣхъ современниковъ. Выдвинувшись въ 1793 году въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія, въ качествѣ сторонника и друга Робеспьера, Сенъ-Жюстъ возбуждалъ въ окружающихъ чувство суевѣрнаго страха, къ которому примѣшивалось недоумѣніе. Одни называли его порожденіемъ Робеспьера, членомъ революціоннаго тріумвирата; другіе — святымъ; третьи — сфинксомъ, апокалиптическимъ чудовищемъ [1]). Смѣшанности и неясности впечатлѣній не мало способствовали внѣшній образъ и пріемы С.-Жюста. Мягкія, почти женскія черты лица; низкій лобъ, почти закрытый ниспадавшими на него волосами; свѣтлые, прозрачные глаза, глядѣвшіе прямо передъ собой, — такъ описываютъ его современники. И эти внѣшнія черты такъ же мало гармонировали съ суровымъ обращеніемъ его, рѣзкимъ голосомъ, отрывистой, сухой дикціей, какъ неумолимые, безпощадные доклады его, равнявшіеся смертнымъ приговорамъ, съ сентиментально-филантропическимъ характеромъ его поэтическихъ произведеній.

«Ничто не можетъ быть ужаснѣе,—замѣчаетъ одинъ современникъ, встрѣтившій С.-Жюста въ 1793 году въ Страсбургѣ,— ничто не можетъ быть ужаснѣе лаконичной, сжатой формы этихъ проскрипцій, нерѣдко представлявшихъ смертный приговоръ для цѣлаго класса гражданъ... Я какъ бы слышу еще ихъ въ краткой, звучной дикціи этого красиваго юноши, созданнаго природой для любви и поэзіи»... И между тѣмъ, тотъ же совре-

---

[1]) Avenel, „Anarharsis Cloots", éd. 1865, t. 2, p. 374.

менникъ и очевидецъ прибавляетъ: «Странное дѣло! Неутомимая жажда справедливости, страстная любовь къ человѣчеству господствовали минутами въ этой суровой душѣ, не отрѣшившейся отъ всякаго чувства справедливости и гуманности»[1]. «Одинъ изъ младшихъ членовъ Конвента,—замѣчаетъ другой современникъ,—С.-Жюстъ, быть-можетъ, болѣе другихъ съ экзальтированнымъ энтузіазмомъ соединялъ вѣрный и быстрый глазомѣръ, непоколебимо-твердую волю и въ высшей степени организаторскій умъ»[2].

Но тѣ же поклонники С.-Жюста, преклонявшіеся передъ его сильной волей, энергіей, преданностью идеямъ революціи,—тѣ же друзья и поклонники указываютъ на одну характерную черту его, отражавшуюся на его наружности, обращеніи и придававшую особенный отпечатокъ его внѣшнимъ пріемамъ. Увлеченіе его абстрактными принципами, простиравшееся до фанатизма, было сухое, холодное, разсудочное. Чувство едва ли играло въ немъ какую либо роль; заглушенное и подавленное разсудкомъ, оно не участвовало въ его образѣ мыслей такъ же, какъ и въ образѣ дѣйствій. И въ этомъ отношеніи С.-Жюстъ является крайнимъ, типичнымъ представителемъ своей эпохи и въ частности своей партіи. Во всемъ его духовномъ существѣ преобладающимъ является разсудокъ,—тотъ искаженный, сухой разсудокъ, который воцарился въ XVIII вѣкѣ, деспотически властвуя надъ другими духовными свойствами человѣка, обращая его въ бездушный механизмъ, дѣйствующій во имя отвлеченныхъ теорій и принциповъ. «Въ священной любви къ отечеству,—говорилъ самъ С.-Жюстъ,—есть нѣчто ужасное. Любовь эта такъ исключительна, что все сокрушаетъ во имя общаго интереса безъ состраданія, безъ страха, безъ уваженія къ человѣческой личности». И принципъ этотъ онъ проводилъ на практикѣ послѣдовательно, безжалостно, жестоко, не щадя своихъ ближнихъ, слѣдуя отвлеченному догмату, воодушевляясь идеалами Рима и Спарты, примѣрами Катона, Брута и другихъ представителей древняго міра, образъ которыхъ не покидалъ его и имена которыхъ постоянно возвращались въ его рѣчахъ. Эта фанатическая преданность отвлеченному принципу проглядываетъ въ каждомъ его дѣйствіи такъ же, какъ въ каждомъ изреченіи. «Если тщеславіе,—говорилъ онъ,—приводитъ людей къ эшафоту, къ кладбищу, къ небытію,—это не важно, лишь бы сохранилась свобода.

---

[1]) Charles Nodier, „Souvenirs et portraits de la Révolution", éd. 1841, p. 50.

[2]) Mémoires de Levasseur, t. II, p. 324, 325.

Республика создается съ неумолимою суровостью, безпощадной ко всѣмъ измѣнникамъ» [1]).

Суровый, мрачный обликъ С.-Жюста производилъ впечатлѣніе на всѣхъ, кому приходилось сталкиваться съ этою личностью. При различіи въ оцѣнкѣ его нравственной личности какъ друзья, такъ и враги равно признавали въ немъ одно характерное качество, яркой полосой проходившее во всей его дѣятельности,— непоколебимую, твердую волю, презиравшую всякія преграды, неуклонно слѣдовавшую по намѣченному пути. Свойство это выражалось и въ его наружности,— въ общемъ очертаніи всей фигуры. Сухой и неподвижный, какъ автоматъ, затянутый въ накрахмаленный галстукъ, съ головой, слегка закинутой назадъ, и взоромъ, устремленнымъ прямо передъ собою,— С. Жюстъ походилъ на существо особаго рода, чуждое человѣческихъ слабостей, являвшееся въ эпоху революціи воплощеніемъ правительства террора, неумолимаго и жестокаго, безпощадно творившаго судъ и расправу.

Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о ранней юности С.-Жюста, до революціи 1789 года, весьма скудны и неполны, хотя въ нравственномъ отношеніи довольно характерны. С.-Жюстъ родился 25 августа 1767 года въ Дэсизъ, небольшомъ городкѣ Нивернэ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Суасонѣ, въ коллежѣ св. Николая. Уже здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе свойствами своего характера — заносчиваго, болѣзненно-самолюбиваго. Черты эти онъ унаслѣдовалъ, повидимому, отъ отца, выслужившагося офицера стараго режима, который съ раздраженіемъ относился къ соціальному неравенству, помѣшавшему ему выдвинуться въ общественной дѣятельности. Вѣроятно, отъ матери онъ воспринялъ наклонность къ мечтательности и сентиментальности, представлявшую такой странный контрастъ съ свойственными ему рѣзкостью и жестокостью. Свѣдѣнія, сохранившіяся о раннемъ періодѣ жизни С.-Жюста, представляютъ намъ его, далѣе, одинокимъ, чуждающимся общества товарищей, неохотно подчиняющимся дисциплинѣ учебнаго заведенія. Въ то же время онъ обращалъ на себя вниманіе недюжинными способностями. «Это лучшій нашъ ученикъ», говорили о немъ учителя. Разсказываютъ, что одинъ изъ нихъ, въ минуту пророческой дивинаціи, предсказалъ, что онъ будетъ впослѣдствіи или великимъ человѣкомъ, или великимъ злодѣемъ.

По окончаніи курса въ коллежѣ С.-Жюстъ занимался нѣкоторое время изученіемъ права въ Реймсѣ. Здѣсь, если вѣрить

---

[1]) Докладъ С.-Жюста Конвенту, 11 жерминаля II года.

преданію, онъ обилъ спальню свою черным сукномъ съ бѣлыми разводами и цѣлые часы проводилъ въ этомъ склепѣ, мысленно переносясь въ иной міръ, населенный героями древности, и повторяя слова: «Міръ сталъ пустъ послѣ римлянъ».

Образъ жизни С.-Жюста въ ранней юности въ общемъ мало извѣстенъ. По сохранившимся смутнымъ преданіямъ, подобно большинству сверстниковъ, онъ велъ въ юности жизнь безпорядочную; разсказываютъ даже, что однажды онъ укралъ у матери серебро и драгоцѣнныя вещи, послѣ чего былъ заключенъ въ продолженіе полугода въ исправительномъ домѣ. Но всѣ эти разсказы нельзя выдавать за непреложные факты. Достовѣрно извѣстно лишь то, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ бросался отъ одного рода дѣятельности къ другому; обратившись сначала къ изученію права, онъ не кончилъ курса; затѣмъ перешелъ къ литературнымъ занятіямъ, мечтая въ то же время вступить въ гвардію графа Артуа.

Въ сохранившемся отъ этого времени литературномъ произведеніи его «Organt» отражается безпорядочное воображеніе, вышедшее изъ границъ, не подчиняющееся никакой нравственной уздѣ. Но рядомъ съ тривіальными общими мѣстами, цинично-грубыми или сентиментально-пошлыми, выдаются строки, не лишенныя поэтической красоты, сравненія довольно удачныя и мѣткія, въ которыхъ проглядываютъ сатирическія способности автора. Сатира эта, очевидно, внушена просвѣтительными писателями XVIII вѣка, — Дидро, Вольтеромъ, Руссо, Монтескьё. Такъ, въ отрицательномъ изображеніи Карла Великаго и его борьбы съ саксами описываются современныя политическія личности — Людовикъ XVI, Марія Антуанета и др.[1]). Намеки на современныя политическія лица и ихъ образъ дѣйствій, перемѣшанные съ сентиментальными воззваніями къ природѣ, къ блаженной эпохѣ, когда на землѣ царствовала одна добродѣтель, и хвалебные гимны свободѣ и равенству наполняютъ поэму, отражая на себѣ броженіе эпохи.

Начало революціи для С.-Жюста, какъ и для многихъ его современниковъ, было знаменательно. Революція являлась исходомъ для всѣхъ смутныхъ, неопредѣленныхъ стремленій, въ которыхъ честолюбіе, жажда славы и широкой дѣятельности

---

[1]) „Par des tyrans la France est gouvernée,
L'Etat faiblit et les lois sans vigueur
Resp ctent l'or du coupable en faveur.
Dans ses écarts, la reine forcenée
Foule, mon fils, d'un pied indifférent
Et la nature, et tont le peuple Franc.“ etc.

соединялись съ увлеченіемъ абстрактными, филантропическими идеями. Съ началомъ революціи совпадаетъ и первое появленіе С.-Жюста на политическомъ поприщѣ. Въ концѣ 1789 года С.-Жюстъ пріѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ видѣлся съ Камилломъ Дэмуленомъ, былъ на засѣданіяхъ Національнаго Собранія и якобинскаго клуба, и возвратился въ Бләранкуръ [1]) ревностнымъ сторонникомъ новаго движенія, и съ этихъ поръ судьба его была неразрывно связана съ судьбой революціи. Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ, 1790—91 гг., личная жизнь его исчезаетъ за общественной дѣятельностью. Мы видимъ его попеременно то въ роли агитатора-проповѣдника среди своихъ согражданъ, то въ качествѣ избирателя — составителемъ адресовъ Національному Собранію. Въ апрѣлѣ 1790 года по вопросу, поднятому Національнымъ Собраніемъ о томъ, который изъ двухъ городовъ — Ланъ (Laon) или Суасонъ — долженъ стать главнымъ городомъ департамента Энъ,—С.-Жюстъ выступилъ защитникомъ интересовъ послѣдняго. Адвокатура его не увѣнчалась успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе онъ сдѣлался предметомъ оваціи со стороны своихъ согражданъ. Около того же времени онъ выдвигается на первый планъ во время демонстраціи со стороны бләранкурскаго муниципалитета, — демонстраціи, вызванной протестомъ нѣсколькихъ членовъ Національнаго Собранія противъ декрета о свободѣ совѣсти. По этому поводу, 15 мая 1790 года, муниципалитетъ собрался для выраженія своего негодованія въ адресѣ Національному Собранію. «При этомъ, — гласитъ протоколъ бләранкурскаго муниципалитета, — С. Жюстъ простеръ руку къ пламени, которому предали пасквиль, и поклялся умереть за отечество и Національное Собраніе и скорѣе погибнуть черезъ огонь, уничтожившій пасквиль, чѣмъ нарушить свою клятву». Эта театральная сцена, въ духѣ времени, гдѣ С.-Жюстъ вспомнилъ, вѣроятно, о подвигѣ Муція Сцеволы, произвела сенсацію въ средѣ зрителей. «Мэръ Бләранкура, — читаемъ мы въ протоколѣ, — въ свою очередь простеръ руку къ пламени и повторилъ клятву вмѣстѣ съ другими муниципальными чиновниками; затѣмъ, поздравивши С.-Жюста, сказалъ: «Молодой человѣкъ, я зналъ вашего отца, дѣда и прадѣда, вы достойны ихъ. Продолжайте, какъ начали, и мы увидимъ васъ въ Національномъ Собраніи».

По мѣрѣ того, какъ С.-Жюстъ выдвигался въ революціонной дѣятельности, мы видимъ, какъ постепенно утрачивается въ немъ

---

[1]) Отецъ С.-Жюста въ 1773 году переселился съ семьей въ г. Бләранкуръ.

умственное и нравственное равновѣсіе. «Революціонная лихорадка» встрѣчаетъ въ немъ благодарную почву. Тщеславіе, безмѣрное самолюбіе, раздраженное соціальнымъ неравенствомъ, жажда славы, въ соединеніи съ фанатическимъ увлеченіемъ идеями вѣка, — всѣ эти различныя влеченія и страсти, развиваясь при благопріятныхъ условіяхъ политическихъ безпорядковъ, достигаютъ крайнихъ предѣловъ. Содержаніе, какъ и форма рѣчей, писемъ, трактатовъ С.-Жюста поражаютъ преувеличенностью представленій, обиліемъ метафоръ и гиперболъ. «Вы, что поддерживаете колеблющееся отечество противъ потока деспотизма и интриги, — писалъ онъ Робеспьеру, защищая коммерческіе интересы Блеранкура, — вы, котораго я знаю, какъ Бога, лишь по сотвореннымъ вами чудесамъ, — обращаюсь къ вамъ съ просьбой спасти мой несчастный край... Я васъ не знаю, но вы великій человѣкъ. Вы депутатъ не только провинціи, но человѣчества и республики» [1]).

Еще болѣе ярко отразилось умственное и нравственное настроеніе С.-Жюста въ первомъ его сочиненіи, которое послужило первой ступенью къ его славѣ. Въ 1791 г. онъ изложилъ свое общественное и политическое credo въ трактатѣ, озаглавленномъ: «Духъ революціи и конституціи Франціи» (Esprit de la Révolution et de la Constitution de France»). Школьническое упражненіе и въ то же время политическое profession de foi, произведеніе это отличается пестротой содержанія. Самые разнообразные вопросы и теоріи затрогиваются здѣсь, — о государственномъ договорѣ, о преимуществѣ первобытной жизни дикарей, о значеніи воспитанія и т. д., — вперемежку съ парадоксальными сентенціями. «Спокойствіе—душа тираніи, страсть—душа свободы; первое — огонь тлѣющій; вторая — огонь снѣдающій»... «Древо преступленія твердо, корень его мягокъ: сдѣлайте людей лучшими и не душите ихъ». Мысли автора безъ всякой послѣдовательности и системы, безпорядочно перебѣгаютъ отъ одного предмета къ другому, — отъ абстрактныхъ декламацій въ духѣ Руссо къ разсужденіямъ о событіяхъ и дѣятеляхъ революціи, пересыпаннымъ метафорами и лирическими тирадами. «Государство, покрытое правами человѣка, какъ обильными жатвами, повсемѣстно представляетъ свободу рядомъ съ народомъ, равенство рядомъ съ богатымъ, справедливость рядомъ со слабымъ... Среди народовъ, дѣйствительно свободныхъ, женщины свободны и обожаемы и ведутъ счастливую жизнь, какъ того заслуживаетъ ихъ интересная слабость... О законодатели!

[1]) Ernest Hamel. „Histoire de St.-Just".

Дайте намъ законы, которые заставили бы насъ полюбить ихъ; равнодушіе къ отечеству и любовь къ самому себѣ — источникъ всякаго зла; равнодушіе къ самому себѣ и любовь къ отечеству — источникъ всякаго блага» [1]). Во всѣхъ разсужденіяхъ С.-Жюста о соціальной и государственной организаціи преобладаютъ раціоналистическіе взгляды Руссо на общественный договоръ — вѣра въ безграничное могущество отвлеченныхъ теорій и законовъ. «Всякое благо проистекаетъ отъ хорошихъ законовъ, всякое зло — отъ ихъ испорченности... Хорошій законъ лучше всѣхъ людей; страсть увлекаетъ ихъ или слабость останавливаетъ; все прозябаетъ или быстро разрушается». Подобно своему учителю, С.-Жюстъ превозноситъ въ то же время первобытное состояніе человѣческой жизни, т.-е. отсутствіе порядка и закона; жизнь дикарей приводитъ его въ умиленіе и, описывая ее, онъ впадаетъ въ сентиментальный паѳосъ. «Дикари имѣютъ одну лишь политическую добродѣтель — войну. Удовольствія ихъ не страсти, — они наслаждаются простотой природы; танцы — выраженіе ихъ невинной радости и чувства... Да простятъ мнѣ эти размышленія о дикаряхъ; счастливая страна, ты далека отъ очей моихъ, но близка моему сердцу»...

Ревностный послѣдователь Руссо, будущій политическій реформаторъ, которому предстояло въ скоромъ времени практически проводить въ жизнь свои теоріи, С.-Жюстъ въ эпоху 1791 г. еще далекъ былъ отъ тѣхъ крайнихъ выводовъ безпощаднаго догматизма, которые дали направленіе его политической дѣятельности. Такъ, преклоняясь передъ Руссо, онъ вступаетъ съ нимъ въ горячую полемику по вопросу о правѣ казни, оспаривая это право съ гуманной точки зрѣнія. «Какое благоговѣніе ни внушаетъ мнѣ авторитетъ Руссо, — говоритъ онъ, — я не прощаю тебѣ, о великій человѣкъ, что ты оправдалъ право смертнаго приговора. Казнь есть политическое преступленіе, уничтоженіе законовъ. Что это за правительство, которое утратило цѣломудріе эшафота? И подобными звѣрствами восхищаются! Сколько варварства въ европейской цивилизаціи!» Высокопарную свою рѣчь С.-Жюстъ кончаетъ пророческимъ изреченіемъ, которому суждено было роковымъ образомъ осуществиться въ его собственной судьбѣ: «Законы, господствующіе при посредствѣ палача, — писалъ онъ, — гибнутъ въ крови и безчестіи. Горе правительству, которое не можетъ обойтись безъ представленія о пыткѣ и позорѣ».

---

[1]) St.-Just. „Esprit de la Révolution“.

Филантропическія разсужденія эти, звучащія глубокой проніей въ устахъ будущаго террориста, не составляютъ основного фона въ его трактатѣ. Экскурсіи его въ область пастушескихъ идиллій являются какъ бы лирическими отступленіями, — въ духѣ той эпохи, когда въ смертныхъ приговорахъ прорывались сентиментальныя фразы, и безпощадная жестокость шла рука объ руку съ наивной чувствительностью. Общій тонъ трактата С.-Жюста— резонерскій, сухой, догматичный. Въ немъ уже проглядывалъ неумолимый фанатикъ, всецѣло преданный отвлеченнымъ теоріямъ, который въ людяхъ видѣлъ лишь математическія цифры.

Отуманенный успѣхомъ начала своей политической карьеры, С.-Жюстъ явился въ 1791 году кандидатомъ въ депутаты законодательнаго собранія. Ему было тогда всего 24 года — возрастъ, по закону не допускавшій избранія въ члены собранія. Но онъ былъ авторъ «Духа революціи», т.-е. политическаго трактата, достойнаго въ его глазахъ сдѣлать его предметомъ исключенія. Ожиданія эти не оправдались, — онъ былъ забаллотированъ. Этотъ ударъ самолюбію, подѣйствовавшій на него ошеломляющимъ образомъ, въ еще большей степени пошатнулъ равновѣсіе его духовныхъ силъ. Письмо С.-Жюста къ другу его Добиньи, въ іюлѣ 1792 г., поражаетъ отсутствіемъ здраваго смысла, преувеличенностью представленій и несоразмѣрностью ихъ. Въ то же время оно изобличаетъ состояніе напряженнаго возбужденія, которое минутами доходитъ до изступленія и граничитъ съ помѣшательствомъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь,— говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, начинающемся въ дружескомъ тонѣ, — меня преслѣдуетъ республиканская горячка, которая снѣдаетъ и пожираетъ меня. Какое несчастье, что я не могу остаться въ Парижѣ; я чувствую, что могъ бы прославиться въ этомъ вѣкѣ. Всѣ вы подлецы, что не оцѣнили меня. Но моя пальма возвысится и, быть-можетъ, затемнитъ васъ. Подлецы,— я плутъ, негодяй, потому что не имѣю денегъ, чтобы дать вамъ. Вырвите у меня сердце и поглотите его,—вы станете тѣмъ, чѣмъ не можете быть сами по себѣ: великими...» Безсвязная филиппика эта заключается характерными строками: «О Боже! Ужели Брутъ долженъ прозябать вдали отъ Рима! Но рѣшеніе мое твердо: если Брутъ не убьетъ другихъ, онъ убьетъ самъ себя».

И слова эти въ устахъ 24-лѣтняго юноши не были пустымъ звукомъ, риторической фразой, красивой позой. Въ нихъ звучитъ искреннее убѣжденіе, вѣра въ свое духовное превосходство и проистекающую изъ него миссію великаго преобразователя. Безграничное честолюбіе, зачатки котораго гнѣздились въ самой глубинѣ его существа, постепенно превращалось въ манію ве-

личія. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше общее благо въ глазахъ С.-Жюста сливалось и отождествлялось съ его собственнымъ величіемъ. Отсюда то глубокое презрѣніе его къ чужимъ мнѣніямъ, расходившимся съ его собственными, и непоколебимая увѣренность въ собственныхъ словахъ и дѣйствіяхъ, — увѣренность, не знавшая ни сомнѣній ни колебаній; отсюда то невозмутимое олимпійское спокойствіе, отражавшееся въ самыхъ чертахъ его лица, спокойныхъ и правильныхъ, и во взглядѣ, холодномъ и ясномъ, какъ ледяная поверхность застывшаго озера; отсюда тотъ рѣзкій, авторитетный, докторальный тонъ его рѣчей, нерѣдко уподоблявшій каждое слово его удару молота: «Революція въ народѣ, не въ репутаціи нѣсколькихъ лицъ»... «Республика образуется при полномъ уничтоженіи всего, что противно ей». «Монархія — не король, она — преступленіе. Республика — не сенатъ, она — добродѣтель. Кто щадитъ преступленіе, тотъ хочетъ возстановить монархію и уничтожить свободу». Въ этомъ властномъ, повелительномъ тонѣ не заключалось противорѣчія съ той проповѣдью свободы, которая такъ часто возвращается въ его политическихъ трактатахъ. Необходимое условіе народной воли — справедливость ея «съ точки зрѣнія высшаго разума», — формула отвлеченная, открывающая широкое поле для личнаго произвола. «Общее правило, — читаемъ мы въ «Esprit de la Révolution», — всякая воля, даже верховная, клонящаяся къ разврату, — недѣйствительна. Руссо не все сказалъ, характеризуя волю неотчуждаемую, вѣчную. Она должна быть также справедливой и разумной. Свобода дурного народа есть общее вѣроломство, попирающее природу, которую она собой представляетъ» [1].

Свобода и равенство рядомъ съ деспотизмомъ во имя разума и справедливости являются девизомъ и политической дѣятельности С.-Жюста. Избранный въ 1792 г. членомъ Конвента С. Жюстъ дебютировалъ въ Собраніи обвинительной рѣчью противъ Людовика XVI, — рѣчью, гдѣ онъ доказывалъ, что король стоитъ внѣ всякихъ человѣческихъ законовъ. «Всякій король — мятежникъ и узурпаторъ. Ничто въ мірѣ не можетъ оправдать этой узурпаціи. Король не можетъ быть судимъ по законамъ страны. Самъ народъ не можетъ изгладить преступленіе тираніи: право людей противъ тираніи — право личное». Рѣчь С.-Жюста была наполнена историческими ссылками, сравненіями Людовика XVI съ Тарквиніемъ Гордымъ, съ Цезаремъ, съ Катилиной и т. п. «Въ этой рѣчи, — писалъ Бриссо (въ газетѣ «Patriote»), — высказывается

[1]) St.-Just. „Esprit de la Revolution“, p. 164.

талантъ, который дѣлаетъ честь Франціи, хотя,—прибавляетъ онъ,—нѣкоторыя идеи ея слишкомъ преувеличены, что объясняется чрезвычайной молодостью оратора».

На политической сценѣ Парижа,—обширной аренѣ, гдѣ сталкивались и разгорались столь разнообразныя страсти, С.-Жюстъ съ первыхъ шаговъ своихъ занялъ выдающееся положеніе. Весь внѣшній обликъ его, представлявшій рѣзкую противоположность съ большинствомъ его товарищей, долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на массу. «Народъ,—замѣчаетъ біографъ С.-Жюста и его поклонникъ,—народъ провидѣлъ въ немъ геній революціи и сдѣлалъ его своимъ героемъ»[1]. Въ дѣйствительности С.-Жюстъ былъ типическимъ представителемъ лишь извѣстныхъ элементовъ революціи,—элементовъ, выбитыхъ изъ колеи и лишившихся духовнаго равновѣсія, благодаря охватившему ихъ потоку новыхъ идей и понятій.

Характерно и ярко проявляются эти элементы въ политическихъ и общественныхъ взглядахъ С.-Жюста—въ его проектѣ конституціи и нѣкоторыхъ замѣткахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Республиканскія учрежденія» (Partitutions républicaines). «Настанетъ день, когда дорога будетъ память друга человѣчества,—говоритъ С.-Жюстъ въ своемъ предисловіи къ «Республиканскимъ учрежденіямъ.—Человѣкъ, принужденный изолироваться отъ міра и отъ самого себя, бросаетъ якорь въ будущемъ и прижимаетъ къ своему сердцу потомство, неповинное въ бѣдствіяхъ настоящаго». Въ этихъ немногихъ строкахъ сказывается уже не юный фантазеръ-мечтатель, но будущій реформаторъ человѣческаго рода. Во имя счастья грядущихъ поколѣній С.-Жюстъ предлагаетъ «ясно установить вопросъ объ общемъ благѣ такъ, чтобы всѣ думали, дѣйствовали и говорили согласно установленному порядку». Все человѣческое общество представляется ему въ видѣ сложнаго искусственнаго механизма, функціонирующаго неправильно, благодаря лишь отсутствію регулятора. Такимъ регуляторомъ должны быть законы. Отъ законодателя зависитъ дать ему извѣстное направленіе, установить «нравы мягкіе и неумолимые», въ то же время обезпечить добродѣтель и справедливость посредствомъ строгихъ законовъ. Законъ, это—догматъ отвлеченный и вмѣстѣ съ тѣмъ—всемогущій, контролирующій личную иниціативу, подчиняющій семейное начало—началу государственному, деспотически властвующій надъ личностью. Такъ же, какъ въ древней Спартѣ, дѣти, на-

[1]) Ernest Hamel. „Histoire de St.-Just“, p. 136.

чиная съ пяти лѣтъ, принадлежатъ государству — республикѣ, систематически вырабатывающей изъ нихъ будущихъ гражданъ: отъ 5 до 10 лѣтъ дѣти обучаются преподавателями, избранными изъ среды старцевъ не моложе 60 лѣтъ. Отъ 10 до 16 лѣтъ они обучаются земледѣлію и военному дѣлу; отъ 16 до 21 года юноши избираютъ извѣстную профессію, земледѣльческую или торговую: отъ 21 до 25 они солдаты, если не занимаютъ государственной должности. Но и по достиженіи зрѣлаго возраста личность не освобождается отъ государственной опеки. «Каждый земледѣлецъ, не занимающійся ремесломъ и не отправляющій никакой общественной должности, обязанъ обрабатывать землю до 50 лѣтъ. Каждый, подъ страхомъ лишиться гражданскихъ правъ, ежегодно обязанъ содержать по четыре барана на каждую десятину своей земли. Каждый ежегодно обязанъ отдавать отчетъ въ храмѣ объ употребленіи своего состоянія» и т. д. Вмѣшательство государства простирается и до мельчайшихъ подробностей интимной жизни частнаго лица: «Каждый, начиная съ возраста 21 года, долженъ ежегодно объявлять въ храмѣ, кто его другъ. Если же кто оставитъ своего друга, тотъ долженъ выяснить мотивы этого передъ лицомъ народа въ храмѣ; въ случаѣ отказа виновный подвергается изгнанію. Подвергается также изгнанію и тотъ, кто говоритъ, что не вѣритъ въ дружбу или кто не имѣетъ друзей». Въ основѣ государственнаго идеала С.-Жюста проглядываетъ даже коммунистическій принципъ. «Чтобы преобразовать нравы,—читаемъ мы въ «Республиканскихъ Учрежденіяхъ»,—надо начать съ обезпеченія неимущихъ; надо всѣмъ раздать земель. Несчастный стоитъ выше правительства и всѣхъ земныхъ властей; онъ долженъ говорить съ ними, какъ господинъ».

Весь этотъ политическій трактатъ С.-Жюста представляетъ странную амальгаму самыхъ разнородныхъ идей. «Общественный договоръ» Руссо, «Духъ законовъ» Монтескьё, «Республика» Платона, легендарные законы царя Миноса и Ликурга,—всѣ эти пестрые, хаотическіе элементы, не образовавши стройнаго, единаго цѣлаго, способствовали порожденію политической доктрины, представлявшей собой бредъ разстроенной фантазіи. «Можно подумать, — замѣчаетъ современный писатель, говоря о «Республиканскихъ учрежденіяхъ» С. Жюста, — можно подумать, что этотъ членъ Комитета Общественнаго Спасенія замечтался и задремалъ въ гротѣ Эпименида».

Но мечты эти, несмотря на случайное отступленіе, носятъ на себѣ слѣды мрачной фантазіи автора. «То, что производитъ общее благо, всегда ужасно, или же кажется ужаснымъ, когда

приступаютъ къ дѣлу слишкомъ рано. Принципъ республиканскаго правительства—добродѣтель или же терроръ. Чего хотятъ тѣ, которые не желаютъ ни добродѣтели ни террора?» Въ то же время, въ удивительномъ смѣшеніи различныхъ идей, характеризующихъ трактатъ С.-Жюста, сказывается утопистъ, мечтающій о грядущемъ золотомъ вѣкѣ, объ общественной свободѣ и народномъ счастьѣ. Съ присущей ему склонностью къ метафорамъ, онъ говоритъ о дѣятеляхъ революціи: «Революція окаменѣла, всѣ принципы ослабли, остались лишь красныя шапки на главѣ интриги. Дѣйствіе террора притупило преступленіе, какъ крѣпкіе напитки притупляютъ нёбо». С.-Жюстъ нигдѣ, однако, ясно не развиваетъ принципы соціальной организаціи, которая должна была замѣнить всѣ прежнія традиціи и обезпечить людямъ земной рай. Подобно другимъ представителямъ своей секты, С.-Жюстъ стоитъ, главнымъ образомъ, на почвѣ простого отрицанія стараго порядка. Положительныя стороны соціальныхъ и политическихъ его идеаловъ были не болѣе, какъ туманныя мечты.

Политическая карьера С.-Жюста ясно обозначается уже въ началѣ 1793 года. Въ процессѣ жирондистовъ онъ впервые является въ той роли, къ которой предназначали его всѣ природныя наклонности,—въ роли великаго инквизитора. Выступая обвинителемъ жирондистовъ, онъ ставитъ виновность ихъ внѣ сомнѣнія, заранѣе предрѣшая гибель ихъ. Враги монтаньяровъ, они являются препятствіемъ въ проведеніи его государственнаго идеала, и онъ, не задумываясь, объявляетъ ихъ измѣнниками. «Заговоръ открытъ, наконецъ, — говоритъ онъ въ своемъ докладѣ 8 іюля.—Мнѣ нечего обличать людей этихъ, они уже обличены. Республика не входитъ въ компромиссъ съ монархической властью. Вы видѣли, какъ эти люди, которые хотѣли спасти короля, все дѣлали, чтобы погубить республику. Приведенъ уже въ исполненіе преступный проектъ ввести въ заблужденіе Францію, вооружить французовъ противъ французовъ и возстановить у насъ монархію среди волненій возстанія». И при этомъ онъ высказываетъ мысль, бросающую свѣтъ на отношеніе его къ людямъ и къ ихъ поступкамъ. «Общественное спасеніе—единственное соображеніе, достойное тронуть васъ. Настоящее положеніе Франціи, разложеніе ея политической организаціи,—все доказываетъ, что вы никого не должны щадить. Республика не считается съ слабостями и преступными увлеченіями; *всѣ виновны*, когда отечество въ опасности».

Въ сравненіи съ безстрастной, холодной рѣчью С.-Жюста блѣднѣютъ и теряются безконечныя филиппики Робеспьера, пересыпанныя періодами и повтореніями, — монотонныя, безсодер-

жательныя и однообразныя, такъ же, какъ блѣднѣетъ и стушевывается передъ С.-Жюстомъ и самый внѣшній образъ Робеспьера. Эти два человѣка, столь сходные по фанатическому увлеченію отвлеченными идеалами, по равнодушному презрѣнію къ жизненнымъ фактамъ и къ живымъ людямъ, — въ дѣйствительности представляли собой различные характеры и темпераменты. При всей сухости Робеспьера ему свойственны были нѣкоторыя человѣческія слабости. Проявленія робости, страха, досады, гнѣва нерѣдко искажали выраженіе лица его, измѣняли интонацію его голоса, прерывали мѣрное теченіе его рѣчей, нарушая силу производимаго ими впечатлѣнія. Всѣ эти психологическія ощущенія были чужды С. Жюсту: съ перваго появленія на политической сценѣ и до финальной катастрофы онъ сохраняетъ тотъ же внѣшній обликъ, безучастный, спокойный и холодно-безстрастный, повергавшій въ трепетъ всѣхъ тѣхъ, кому приходилось видѣть его и слышать его обвинительные приговоры. И Робеспьеръ, такъ ревниво охранявшій авторитетъ своей власти, признаетъ дарованіе своего ученика и уступаетъ ему первое мѣсто каждый разъ, когда нужно смѣлымъ ударомъ сокрушить политическихъ противниковъ.

Между этими двумя людьми, посвятившими себя одному общему культу, устанавливаются своеобразныя отношенія. С.-Жюстъ, стремившійся къ общему нивеллированію, нетерпимо относившійся къ преобладанію всякой аристократіи — интеллигенціи, таланта или добродѣтели, — С.-Жюстъ преклоняется передъ Робеспьеромъ, признаетъ его первенство, дѣлается его сподвижникомъ, ревностно содѣйствующимъ ему всѣми своими способностями, — смѣлостью, энергіей, непреклонной волей. Не зная его лично, онъ уже обращался къ нему, какъ къ божеству, называя его «великимъ человѣкомъ», депутатомъ «не только одного департамента, но всей республики — всего міра». Робеспьеръ въ его глазахъ являлся живымъ воплощеніемъ «Общественнаго договора», — представителемъ свободы и равенства на землѣ, простоты нравовъ, проповѣдуемыхъ Руссо.

Въ проведеніи общественнаго идеала и тотъ и другой обращаются къ тому же образу дѣйствій, — къ насилію, къ деспотическому подчиненію чужой воли. Въ цѣломъ рядѣ докладовъ и рѣчей С.-Жюста къ Конвенту выражается политическій и соціальный символъ вѣры революціоннаго правительства: главныя положенія его уже заранѣе были намѣчены въ «Республиканскихъ учрежденіяхъ». На первомъ планѣ — разрушеніе всего прежняго общественнаго строя и утвержденіе новаго, представляющаго выраженіе верховной воли народа. «Республика бу-

детъ основана лишь тогда, когда верховная воля сдержитъ монархическое меньшинство и утвердитъ свое господство по праву завоеванія» [1]). Верховная воля, въ свою очередь, подчиняется законамъ, которые являются ея выраженіемъ. «Есть политическіе нравы, — говорилъ С.-Жюстъ, — которые народъ воспринимаетъ въ тотъ самый день, какъ получаетъ законы... Благосостояніе и миръ, общественная добродѣтель, побѣда — все въ силѣ законовъ: внѣ законовъ все безплодно и мертво».

Всѣ эти отдѣльные афоризмы, изъ догматическаго трактата перенесенные на трибуну Конвента, должны были войти теперь въ плоть и въ кровь новаго созидающагося государственнаго механизма. Въ знаменитомъ докладѣ 10 октября 1793 г. С.-Жюстъ указывалъ причины, задерживавшія утвержденіе новаго порядка, парализовавшія дѣйствія и правительства: военныя неудачи, голодъ, общественная неурядица, — всѣ эти бѣдствія являлись слѣдствіемъ нерадивости чиновниковъ, измѣны аристократовъ, заговора враговъ отечества. При этомъ С.-Жюстъ выдвигалъ основы будущей диктатуры и произносилъ смертный приговоръ надъ всѣми элементами, не отвѣчавшими намѣченнымъ требованіямъ и цѣлямъ. «Народъ, — говорилъ онъ, — имѣетъ лишь одного опаснаго врага, и это — правительство его... Правительство есть іерархія заблужденій и покушеній... Оно представляетъ вѣчный заговоръ противъ настоящаго порядка...» И вотъ для утвержденія золотого вѣка, какъ переходная стадія, предписывается терроръ. «Мечъ закона, — говорилъ С.-Жюстъ въ докладѣ 10 октября, — долженъ пронестись повсемѣстно... Революціонные законы не могутъ быть исполнены, если само правительство не организовано революціонно... Необходимо побороть сопротивленіе однихъ, лѣность другихъ, суевѣрное отношеніе къ разрушенной власти, честолюбіе и лицемѣріе...» Какъ средство для этого, С.-Жюстъ предлагалъ установленіе во Франціи временнаго революціоннаго правительства — диктатуру Комитета Общественнаго Спасенія, уполномоченныхъ представителей, революціонныхъ комитетовъ и народныхъ обществъ. То было начало осуществленія одного изъ принциповъ политическаго трактата С.-Жюста [1]): «Принципъ республиканскаго правительства — добродѣтель или же терроръ... То, что производитъ общее благо, всегда ужасно».

«Правительства Рима и Египта, — говорилъ С.-Жюстъ въ томъ же знаменитомъ докладѣ Конвенту 10 октября, — обходились безъ канцелярій: тогда думали много, писали мало. Многословіе

[1]) Докладъ С.-Жюста Конвенту 10 октября 1793 года.

корреспонденцій и указовъ правительства — доказательство безсилія его; управлять безъ лаконизма невозможно... Бюро замѣнили монархическую власть; стремленіе писать подрываетъ наши силы, правительство бездѣйствуетъ». Слова эти были какъ бы прологомъ административной дѣятельности С.-Жюста. Назначенный въ началѣ ноября 1793 года чрезвычайнымъ уполномоченнымъ (représentant en mission) въ прирейнской арміи, онъ является здѣсь облеченнымъ неограниченною властью. Сентенція догматическаго писателя, ораторскія импровизаціи — принимаютъ теперь форму приказовъ и приговоровъ, столь же рѣзкихъ, неумолимыхъ, безапелляціонныхъ, потрясающихъ своимъ лаконизмомъ. «4 ноября, — читаемъ мы въ современной газетѣ, всегда слѣдовавшей господствовавшему теченію, — 4 ноября (1793 года) Бареръ читалъ (въ Конвентѣ) отчетъ о дѣятельности С.-Жюста и Леба, — проконсуловъ прирейнской арміи. Они привлекали къ суду аристократовъ; они никого не щадили и отвѣчали на предложеніе непріятеля, какъ истинные варвары» [2]...

Въ рядахъ войска и среди жителей Страсбурга, осажденнаго непріятелемъ, С.-Жюстъ явился ангеломъ-разрушителемъ. Учрежденіе революціоннаго трибунала и революціонной арміи; приказъ буржуазіи Страсбурга внести 9 милліоновъ въ теченіе 24 часовъ; приказъ муниципальнымъ чиновникамъ въ 12 часовъ поставить обувь на 10.000 солдатъ и въ 24 часа — 2 тысячи кроватей въ госпитали; приказъ въ 24 часа арестовать всѣхъ бывшихъ аристократовъ въ 4 департаментахъ, — всѣ эти мѣры, непрерывно слѣдовавшія одна за другой, распространяли чувство паническаго ужаса среди массы населенія, — ужаса, который усиливался заявленіями самого С.-Жюста. «Сострадание къ преступленію, — говорилъ онъ, обращаясь къ народному обществу, — свойственно лишь злоумышленникамъ. Мы имѣемъ право быть подозрительными, долгъ нашъ — оставаться непоколебимыми въ принципахъ». И вся практическая его дѣятельность была выраженіемъ этого взгляда. «Терроръ на очереди, — писалъ одинъ изъ поклонниковъ его (Гюйарденъ, членъ Конвента), — аристократія ниспровержена... Богатые, эгоисты и стяжатели, отка-

[1]) «Institutions républicaines».

[2]) По прибытіи въ Эльзасъ одно изъ первыхъ проявленій власти С.-Жюста — было учрежденіе революціоннаго трибуна, освобожденнаго отъ всякихъ юридическихъ формальностей. Одинъ изъ товарищей его (Левассеръ), возражая противъ отмѣны офиціальныхъ защитниковъ, замѣтилъ ему: «Вы были бы правы, если бъ трибуналъ вашъ состоялъ изъ ангеловъ; но это только люди». С.-Жюстъ невозмутимо отвѣчалъ на это: «Всѣ присяжные — патріоты» (Mémoires de Levasseur).

зывающіеся повиноваться благодѣтельному закону о максимумѣ, несутъ заслуженную кару. Гильотина въ непрерывномъ дѣйствіи; народъ санкюлотовъ пробуждается, и пробужденіе его будетъ ужасно. Пришлите намъ колонію монтаньяровъ изъ Парижа, чтобы распространять здѣсь пламенную любовь къ республикѣ». «С.-Жюстъ, — говорилъ другой его послѣдователь, — С.-Жюстъ все оживилъ, преобразовалъ, возстановилъ, и чтобы докончить дѣло, на помощь къ намъ со всѣхъ сторонъ стекаются революціонные апостолы, надежные санкюлоты. Святая гильотина въ блестящемъ дѣйствіи, и благодѣтельный терроръ творитъ здѣсь чудеса, которыхъ отъ разума и философіи пришлось бы ждать цѣлый вѣкъ» [1]).

Мрачный энтузіазмъ свой С.-Жюстъ сообщалъ окружающимъ. «Когда С.-Жюстъ и я зажигали батареи Виссембурга, насъ превозносили,—разсказываетъ его товарищъ;—но намъ это ничего не стоило: мы знали, что пули не посмѣютъ коснуться насъ» [2]). И тотъ же современникъ и свидѣтель замѣчаетъ: «Люди имѣютъ горячку въ продолженіе 24 часовъ; я же имѣлъ ее въ теченіе 12 лѣтъ».

Но элементъ страстнаго увлеченія, характеризовавшій большинство дѣятелей 1793—94 гг., былъ вполнѣ чуждъ С.-Жюсту. Неумолимый, какъ самъ рокъ, онъ безстрастно творилъ судъ и расправу. «Никогда,—говоритъ въ своихъ мемуарахъ Левассеръ,— нельзя было измѣнить его взглядовъ: никогда нельзя было поколебать его рѣшенія; видя передъ собой лишь цѣль, къ которой стремился, онъ не разбиралъ средства: самыя вѣрныя всегда казались ему самыми лучшими. Чтобы основать республику, о которой онъ давно мечталъ, онъ готовъ былъ пожертвовать своей жизнью, но и также сотней тысячъ другихъ жизней» [3]).

Облеченный неограниченной властью въ арміи и въ четырехъ департаментахъ, С.-Жюстъ все болѣе приближался къ той точкѣ, гдѣ разумъ граничитъ съ помѣшательствомъ. Всѣ отвлеченныя формулы, къ которымъ онъ стремился, постепенно сливались въ его глазахъ съ его собственнымъ *я*. Носитель высшей справедливости и истины на землѣ, онъ съ глубокимъ презрѣніемъ относился къ ближнимъ. Мысленному взору его человѣческій родъ представлялся раздѣленнымъ на двѣ катего-

---

[1]) Hamel. „Histoire de St.-Just", p. 73.— Письмо административнаго чиновника Гатто къ другу его Добиньи. Barante. „Histoire de la Convention Nationale", t. 4, p. 138.

[2]) Taine. „La Conquête Jacobine", p. 68.

[3]) „Mémoires de Levasseur".

ріи: заговорщиковъ, враговъ отечества, достойныхъ смерти, и обманутыхъ ими жертвъ, заслуживавшихъ одного презрѣнія. Исключеніемъ являлась лишь небольшая группа его единомышленниковъ. Когда однажды Карно представилъ Комитету Общественнаго Спасенія доказательства расхищеній, совершонныхъ въ сѣверной арміи, С.-Жюстъ гнѣвно замѣтилъ: «Одинъ только врагъ республики можетъ обвинить сослуживцевъ своихъ въ расхищеніяхъ, — какъ будто все по праву не принадлежитъ патріотамъ» [1]).

Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ повторявшихся командировокъ С.-Жюста въ прирейнскую и сѣверную арміи дѣятельность его оставила неизгладимое впечатлѣніе какъ на массѣ, такъ и на окружающихъ его лицахъ. «Одно воспоминаніе о немъ,—говорилъ Бодо много лѣтъ по смерти С.-Жюста, — одно воспоминаніе о немъ заставляетъ меня содрогаться».

Съ возвращеніемъ С.-Жюста въ Парижъ въ февралѣ 1794 г. наступаетъ самая важная эпоха его политической дѣятельности. Избранный президентомъ Конвента, онъ высказываетъ въ рѣчи 26 февраля главныя положенія своей политической программы, въ которой мы узнаемъ автора «Республиканскихъ учрежденій». Съ свойственной ему безстрашной послѣдовательностью онъ провозглашаетъ повсемѣстное утвержденіе террора. «Вы захотѣли учредить республику... Она обусловливается полнымъ уничтоженіемъ всего, что противорѣчитъ ей. Жалуются на революціонныя мѣры; но мы умѣренные сравнительно со всѣми другими правительствами». Цѣль правительства, по взглядамъ С.-Жюста, «созданіе такого порядка вещей, при которомъ всѣ партіи однимъ ударомъ были бы брошены на эшафотъ, и мужественная энергія направляла бы духъ націи къ справедливости». Практическое средство осуществленія послѣдней онъ видитъ въ конфискаціи имущества враговъ отечества,— аристократіи и интригановъ: «Уничтожьте нищенство... Собственность патріотовъ священна, но имущество заговорщиковъ принадлежитъ всѣмъ несчастнымъ». И при этомъ С.-Жюстъ почти дословно повторяетъ изреченіе «Республиканскихъ учрежденій»: «Несчастные—владыки міра; они имѣютъ право говорить, какъ повелители, съ правительствомъ, которое пренебрегаетъ ими...»

«Не будемъ щадить аристократовъ,—говорилъ С.-Жюстъ на трибунѣ Конвента.—Побольше смѣлости! Слово это заключаетъ въ себѣ всю политику революціи. Подавимъ несогласія, конфискуя собственность нашихъ враговъ и ихъ сторонниковъ.

[1]) „Mémoires de Carnot“, p. 281.

Уничтожьте партію мятежниковъ.. Поставьте на очереди здравый смыслъ и скромность. Не потерпите, чтобы остался нищій или несчастный въ государствѣ». И, какъ практическое слѣдствіе этой проповѣди, онъ вноситъ декретъ, въ силу котораго всѣ «подозрительные» оставлялись подъ арестомъ до заключенія мира, имущества же ихъ отбирались въ пользу бѣдныхъ.

Въ политическомъ міросозерцаніи С.-Жюста идеи XVIII в. смѣшивались съ идеалами, заимствованными изъ античнаго міра, — и послѣдніе нерѣдко являлись преобладающими. Во всѣ рѣшительные моменты жизни въ воображеніи С.-Жюста возстаютъ образы героевъ древняго міра — Брута, Сократа и Фокіона, царя Кодра и т. д. Онъ вдохновлялся жизнью ихъ и еще болѣе геройскою смертью во имя идеи долга и любви къ отечеству. «Не ждите иной награды, кромѣ безсмертія, — говорилъ онъ, обращаясь къ Конвенту (26 февраля 1794 года)... Тѣ, что стремились къ благу, нерѣдко погибали: Кодръ умеръ, низвергнутый въ пропасть.. Фокіонъ и Сократъ должны были испить чашу съ ядомъ». И еще ранѣе онъ говорилъ: «Въ тотъ день, когда я убѣждусь въ невозможности дать французскому народу добрые нравы, энергичные и неумолимые къ тираніи, я покончу съ собой». Слова эти были не пустой фразой: въ нихъ звучитъ глубокое, искреннее убѣжденіе. Жестокій и несправедливый къ политическимъ своимъ врагамъ, неумолимый въ преслѣдованіи цѣли, С.-Жюстъ никогда не руководился личными эгоистическими мотивами. Всѣ помыслы его и стремленія были далеки отъ окружающаго міра: духовнымъ существомъ своимъ онъ всецѣло принадлежалъ иному міру—міру заоблачныхъ, туманныхъ грезъ, съ другими идеалами, другими порядками и нравами. Идеалы эти онъ обрисовываетъ отчасти въ своихъ рѣчахъ, гдѣ отъ мрачныхъ картинъ инквизиціи и казни онъ переходитъ къ пастушескимъ идилліямъ, къ изображенію первобытнаго счастья на лонѣ природы. «Счастье добродѣтели, — говорилъ онъ во время процесса гебертистовъ, обреченныхъ имъ на смерть, — то счастье, которое происходитъ отъ пользованія необходимымъ безъ излишества... плодородное поле, воздѣлываемое собственными руками, соха, хижина, огражденная отъ фиска, семья, защищенная отъ корыстолюбія разбойниковъ, — вотъ истинное счастье». И во имя этого будущаго счастья онъ проповѣдывалъ «уничтоженіе стараго міра» [1]). Вѣрный своему девизу—«итти впередъ по пути, орошенному слезами и кровью»,— онъ въ Конвентѣ и Комитетѣ Общественнаго Спасенія ратовалъ

[1]) Рѣчь С.-Жюста въ Конвентѣ 16 апрѣля 1794 года.

за терроръ, въ такихъ широкихъ размѣрахъ уже осуществленный имъ въ Эльзасѣ. Уже въ рѣчи 26 февраля онъ указывалъ на двѣ противоположныя партіи «бѣшеныхъ» и «умѣренныхъ», равно опасныхъ отечеству. 24 марта гибнутъ первые—Геберъ, Клотсъ и другіе сторонники партіи; за ними настаетъ очередь Дантона и его друзей. «Есть политическая секта во Франціи,—говорилъ С.-Жюстъ, намекая на Дантона и его сторонниковъ,—которая играетъ въ руку всѣмъ партіямъ; она двигается медленными шагами... Говорите ли вы о террорѣ,—они толкуютъ о снисходительности... Испытываемъ ли мы неудачи,—они предрекаютъ несчастія» [1]).

И по отношенію къ Дантону С.-Жюстъ употребляетъ тѣ же пріемы, какъ въ процессѣ жирондистовъ и другихъ политическихъ противниковъ. Видя въ нихъ препятствіе для осуществленія своихъ стремленій, онъ, не колеблясь, объявляетъ дантонистовъ государственными измѣнниками. «Ты былъ врагомъ Марата,—говоритъ онъ въ своей обвинительной рѣчи, обращаясь къ Дантону,—ты отдѣлился отъ Горы; ты открыто хвалился тѣмъ, что никогда не обличалъ Жансонэ, Гюадэ, Бриссо; ты безпрестанно протягивалъ имъ миртовую вѣтвь — свидѣтельство твоего союза съ ними противъ народа и строгихъ республиканцевъ...» Глубоко убѣжденный, что его политическіе враги—враги отечества, С.-Жюстъ не искалъ болѣе вѣскихъ и опредѣленныхъ обвиненій. Вся обвинительная рѣчь его — рядъ общихъ мѣстъ, заимствованныхъ изъ частныхъ записокъ Робеспьера: въ его глазахъ политическій процессъ—безполезная, пустая формальность по отношенію къ людямъ, судьба которыхъ была рѣшена; заранѣе приговорившіи ихъ къ смерти, онъ вмѣнялъ имъ въ преступленіе всякую попытку оправдаться передъ судомъ. «Всѣ преступники открыты теперь,—сказалъ онъ въ отвѣтъ на требованія подсудимыхъ вызвать свидѣтелей,—возмущеніе предъ лицомъ суда выдаетъ тайну ихъ совѣсти... Возмущался ли когда невинный предъ закономъ? Дерзость ихъ свидѣтельствуетъ объ ихъ покушеніяхъ,—другихъ доказательствъ не нужно» [2]). По свидѣтельству современника и товарища

---

[1]) И вслѣдъ за тѣмъ, съ свойственной ему внезапностью переходовъ, онъ говоритъ: «Пусть Европа узнаетъ, что вы не потерпите ни единаго несчастнаго и ни единаго угнетеннаго во французскихъ владѣніяхъ; пусть примѣръ этотъ... распространитъ на землѣ любовь къ добродѣтели и счастью. Счастье—новая идея въ Европѣ».

[2]) Зибель въ своей «Исторіи французской революціи» (т. 2-й, гл. 4-я, стр. 196) говоритъ, что главнымъ мотивомъ нападокъ С.-Жюста противъ Дантона, Камилла Демулэна и другихъ служила личная вражда. Ван-

С.-Жюста [1]), вліяніе его рѣшило гибель Дантона и его друзей.

Но по мѣрѣ того, какъ падала одна политическая партія за другой, появлялись новые враги, новыя преграды. Устраняя всѣ препятствія на своемъ пути, С.-Жюстъ ясно видѣлъ опасность созданнаго положенія; и при этомъ онъ ни на минуту не сомнѣвался въ правотѣ своего дѣла, не колебался на намѣченномъ образѣ дѣйствій: замкнувшись въ сознаніи исполненнаго долга, какъ въ неприступной крѣпости, онъ говорилъ, подписывая смертные приговоры Гебера, Геро-Сешеля, Дантона и другихъ жертвъ: «Многіе твердо уповали, что никто не осмѣлится напасть на знаменитыхъ людей, осѣненныхъ призрачнымъ ореоломъ; я отрѣшился отъ этихъ слабостей; я прозрѣлъ истину въ мірѣ и возвѣстилъ ее». И онъ говорилъ также, обращаясь къ Конвенту [2]): «Судьба предшественниковъ вашихъ предостерегаетъ васъ быть мудрыми и творить судъ, не гоняясь за славой,— подобно Высшему Существу, Которое вноситъ гармонію въ міръ, не показывая себя».

Внести гармонію въ міръ—idée fixe С.-Жюста. Всецѣло поглощенный ею, онъ задумывалъ цѣлый планъ соціальной реформы, которая должна была пересоздать міръ согласно принципамъ «Республиканскихъ Учрежденій». «Все существующее вокругъ насъ должно измѣниться и пасть,—говорилъ онъ въ рѣчи 15 апрѣля,—ибо все существующее несправедливо... Не подражайте ничему, что было до насъ: геройство не имѣетъ образцовъ...» При этомъ, возвѣщая наступленіе новой эры человѣческой исторіи, С. Жюстъ впадаетъ въ экстазъ, выражающійся въ формѣ риторической метафоры: «Свобода основана, она вышла изъ нѣдръ бури, подобно міру, который вышелъ изъ хаоса, и подобно человѣку, который плачетъ, появляясь на свѣтъ».

Товарищъ и другъ Робеспьера, членъ Комитета Общественнаго Спасенія, облеченный почти неограниченной властью,

---

тонъ отзывался о С.-Жюстѣ какъ о школьникѣ, Демулэнъ писалъ о немъ нѣсколько лѣтъ раньше. „Въ его походкѣ и въ манерахъ видно, что онъ считаетъ свою голову краеугольнымъ камнемъ республики, и онъ носитъ ее на плечахъ благоговѣйно, какъ священные дары“. Прочитавъ это, С.-Жюстъ будто бы воскликнулъ: „А онъ понесетъ свою голову, какъ св. Дени!“ Трудно придать вѣру этому разсказу. При всѣхъ недостаткахъ С.-Жюста нельзя отвергать того, что личные мотивы всегда отступали на второй планъ въ его общественной дѣятельности.

[1]) „Mémoires de Levasseur“.

[2]) Обвинительная рѣчь противъ дантонистовъ.

С.-Жюстъ приближался къ диктатурѣ, стремленіе къ которой проглядывало въ каждомъ его словѣ. Наступала минута осуществленія общественнаго идеала «Республиканскихъ учрежденій». Онъ уже видѣлъ себя новымъ Мессіей, возрождающимъ земной міръ, преобразующимъ обычаи, нравы, религію — весь духовный строй жизни [1]).

Проникнутый величіемъ предстоящей миссіи преобразованія, С.-Жюстъ все болѣе отдалялся отъ окружающей его дѣйствительности. «Онъ держалъ себя какъ оракулъ,—говоритъ о немъ одинъ современникъ [2]), — слова его всегда были направлены къ неумолимой строгости. Онъ высказывалъ свои взгляды, какъ визирь». На своихъ товарищей, такъ же, какъ на толпу, С.-Жюстъ производилъ все болѣе и болѣе потрясающее впечатлѣніе. Появленіе его въ залѣ Конвента производило сенсацію; присутствующіе вставали со скамей и говорили: «Вотъ онъ!» Всѣ дрожали передъ властью Комитета Общественнаго Спасенія. «Боялись высказать свое неодобреніе малѣйшимъ знакомъ, малѣйшимъ словомъ» [3]).

Но, несмотря на эту внѣшнюю покорность, С.-Жюстъ сознавалъ, что стремленіямъ его предстояло встрѣтить еще новыхъ враговъ и что будущая республика могла возродиться лишь послѣ полнаго разрушенія существующаго общественнаго порядка. Поэтому практическій результатъ его рѣчи 15 апрѣля сводился къ усиленію террора, — къ подчиненію всѣхъ политическихъ подсудимыхъ юрисдикціи парижскаго революціоннаго трибунала и постановленію новыхъ карательныхъ мѣръ противъ «аристократовъ». «Необходимо искоренить древній міръ,—говорилъ 16 апрѣля С.-Жюстъ, обращаясь къ Конвенту,—но болѣе радикальнымъ образомъ, чѣмъ казнью. Смерть очищаетъ его и возрождаетъ. Надо искоренить его позоромъ. Право, нравственность, революція — три понятія однозначащія. Реакціонеръ и безнравственный человѣкъ, составляющіе одно и то же, — должны,

---

[1]) Представляя общія черты будущаго государства, С.-Жюстъ обрисовывалъ идеалъ «истиннаго патріота-реформатора», заимствуя при этомъ черты изъ своей собственной политической дѣятельности. «Приверженецъ революціи долженъ быть неумолимъ,—говорилъ онъ въ рѣчи 15 апрѣля,—но онъ воздерженъ, умѣренъ и простъ. Онъ непримиримый врагъ всякой лжи, снисходительности, неискренности. Приверженецъ революціи,—говоритъ онъ далѣе,—неумолимъ къ злымъ, но чувствителенъ». Hamel. „Histoire de St.-Just“, t. 2, p. 190, 191.

[2]) „Mémoires de Barère“.

[3]) Письмо 12-ти народныхъ представителей, заключенныхъ въ «Port Libre» и освобожденныхъ послѣ 10 термидора.

равно опозоренные, разбивать камни по дорогамъ и образовать собой народъ илотовъ».

По мѣрѣ того, какъ одинъ за другимъ падали политическіе противники партіи Горы и утверждалось ея могущество, въ психическомъ настроеніи главныхъ ея представителей все болѣе замѣчается что-то болѣзненное, ненормальное. Сосредоточенное напряженіе всей нервной системы, вызванное лихорадочной дѣятельностью, не могло не отразиться на состояніи ихъ нравственнаго равновѣсія. По замѣчанію современныхъ свидѣтелей, якобинцами овладѣло состояніе какъ бы опьяненія. «Какое-то умопомраченіе охватило этихъ людей, болѣе года такой твердой рукой направлявшихъ судьбы Франціи, — пишетъ одинъ современникъ о Робеспьерѣ и С.-Жюстѣ. — Они говорили о милосердіи въ близкомъ будущемъ, между тѣмъ какъ гильотина дѣйствовала въ ихъ рукахъ съ возрастающимъ усердіемъ. Уничтожить всѣхъ своихъ враговъ, прежде чѣмъ покончить съ утвержденнымъ ими порядкомъ, уничтожить всѣхъ тѣхъ, кого они считали врагами общественнаго дѣла, — таковы были ихъ намѣренія, и для выполненія ихъ они не колебались проливать потоки крови» [1]). Это настроеніе лихорадочнаго возбужденія сообщалось отчасти и представителямъ массы, не принимавшимъ дѣятельнаго участія въ борьбѣ. «Прольются потоки крови, — еще ранѣе писала одна современница. — Всѣ средства хороши для достиженія цѣли; прочь, варварская гуманность [2]). Святой Духъ попстинѣ снизошелъ на апостоловъ конституціи».

Но революціонный фанатизмъ захватывалъ лишь отдѣльныя лица; масса народа, страдавшая отъ отсутствія правильной администраціи, отъ голода, отъ войны внѣшней и междоусобной, — масса народа относилась къ правительству холодно или враждебно; и если вражда не доходила до открытаго возмущенія, то единичные факты сопротивленія краснорѣчиво свидѣтельствовали объ ея существованіи. Дѣятельность Комитета Общественнаго Спасенія оказывалась работой Сизифа, и по мѣрѣ того, какъ затягивалась борьба и новыя преграды выростали на пути якобинцевъ, послѣдними овладѣвало чувство разочарованія. «Мы мечтали о волшебномъ мірѣ,—писалъ впослѣдствіи содѣятель С.-Жюста,—мы вновь пали въ міръ реальный, и тогда тѣ, которые раздѣляли наше опьяненіе, покинули насъ» [3]).

1) „Mémoires de Levasseur“.
2) Albert Sorel „L'Europe et la Révolution. Journal d'une bourgeoise“.
3) „Mémoires de Levasseur“, p. 28.

Быть-можетъ, ни на одномъ представителѣ правительства террора переходъ изъ волшебнаго міра въ реальный не отозвался такъ болѣзненно, какъ именно на С.-Жюстѣ. Чѣмъ беззавѣтнѣе онъ вѣрилъ въ наступленіе золотого вѣка, тѣмъ тяжелѣе было разочарованіе [1]).

Леженъ, хорошо знавшій С.-Жюста и затѣмъ служившій при немъ въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія, какъ начальникъ полицейской канцеляріи, такъ о немъ вспоминаетъ: «С.-Жюстъ представляется мнѣ личностью, въ которой странности человѣческаго существа проявились всего поразительнѣе. Случалось, онъ проявлялъ такую доброту, что проливалъ слезы надъ несчастьемъ ближняго; а часто бывалъ такъ жестокъ, что закрывалъ сердце передъ самымъ раздирающимъ крикомъ природы. Былъ ли онъ правдивъ, когда плакалъ? По инстинкту ли онъ совершалъ жестокости?.. С.-Жюстъ не былъ человѣкомъ обыкновеннымъ; при лучшемъ руководствѣ, онъ могъ сдѣлаться человѣкомъ полезнымъ. Но наименованіе *неподкупный*, данное Робеспьеру, сбило его съ толку. Онъ увидѣлъ въ немъ идеалъ, достойный подражанія, и, безумный, тоже пожелалъ прославиться.

Разсказывая о своемъ первомъ знакомствѣ съ С.-Жюстомъ, Леженъ говоритъ: «Мы встрѣтились однажды вечеромъ въ одномъ трактирѣ «Лаонской Коммуны». Какъ земляки, мы вскорѣ разговорились; предметомъ бесѣды были научныя занятія. С.-Жюстъ, по своимъ рѣчамъ, и особенно по присущей ему вкрадчивости, убѣждалъ и увлекалъ собесѣдника. Его честное лицо подтверждало его слова.

«Вотъ что я запомнилъ изъ этихъ словъ и что послѣдующія событія запечатлѣли въ моей памяти. «Что касается меня, — говорилъ онъ, — мои мечты ограничиваются тѣмъ, чтобы поселиться когда нибудь въ деревнѣ. Жена, дѣти—для моего сердца, научныя занятія для моего досуга, излишекъ для моихъ добрыхъ сосѣдей, если они бѣдны». Это краснорѣчіе исходило, однако, изъ сердца С.-Жюста. Я слушалъ его съ восторгомъ. Случайно я попалъ въ Комитетъ Общественнаго Спасенія, какъ начальникъ отдѣленія общей полиціи, направляемый въ то время С.-Жюстомъ. Каково было мое удивленіе, когда я не узналъ въ С.-Жюстѣ прежняго скромнаго гражданина, великодушнаго филантропа, простыя добродѣтели котораго должны были научить

---

[1]) Curiosités révolutionnaires. St.-Just et les Bureaux de Police générale au Comité du Salut public en 1794. Documents inédits publiés par et Régis. Notice historique sur St.-Just par Augustin Lejeune, ex-chef des bureaux de surveillance et de police générale près de l'ancien Comité de Salut public.

людей находить счастье въ химерахъ. С.-Жюстъ отказался отъ сельской жизни, чтобы «возродить (такъ говорилъ онъ) народъ, развращенный вѣками варварства и рабства». Онъ всюду несъ съ собой «бремя государства и необходимость мести». Черты лица его еще отражали хорошія чувства, и онъ весело говорилъ о кровавыхъ экзекуціяхъ. Однажды я попробовалъ напомнить ему проведенный вмѣстѣ въ «Лаонской Коммунѣ» вечеръ. «Другія времена — другія рѣчи, — сказалъ С.-Жюстъ. — Когда надо брать за образецъ врага Тарквиніевъ, — уже не приходится читать идилліи Геснера». С.-Жюстъ любилъ игру словъ. Богатый капиталистъ просилъ у него аудіенціи, чтобы получить разрѣшеніе основать бумагопрядильню. «Не бумага нужна намъ, — сказалъ С.-Жюстъ, — а желѣзо». С.-Жюстъ любилъ также оригинальныя выходки. По возвращеніи изъ арміи онъ разсказалъ мнѣ, какъ однажды одинъ бригадный генералъ послалъ ему курьера доложить, что онъ вскорѣ явится къ нему за приказаніями. Курьеръ этотъ, старый, храбрый служака, былъ одинъ изъ тѣхъ смѣтливыхъ, способныхъ людей, которые затерты судьбой и ждутъ лишь случая, чтобы продвинуться впередъ. Вскорѣ явился генералъ въ сопровожденіи двухъ лакеевъ: это былъ одинъ изъ тѣхъ ничтожныхъ людей, невѣжество и тупоуміе которыхъ еще болѣе выдаются при ихъ возвышеніи. С.-Жюстъ, желая возстановить справедливость относительно этихъ двухъ лицъ, сдѣлалъ генерала курьеромъ, а курьера—генераломъ; лакеямъ же велѣлъ зачислиться въ полкъ.

Въ теченіе пятнадцати дней господства С.-Жюста надъ общей полиціей я просилъ его освободить нѣсколько лицъ, за невинность которыхъ я ручался, и всегда я встрѣчалъ отказъ. «Настоящій моментъ революціи, — отвѣтилъ онъ мнѣ однажды, — слишкомъ бурный, чтобы намъ заниматься справедливостью въ частности; прежде чѣмъ заботиться объ отдѣльныхъ лицахъ, мы должны позаботиться о государствѣ».

«Но отуманенный чадомъ свободы С.-Жюстъ вскорѣ сталъ видѣть лишь малодушную слабость въ самыхъ почтенныхъ чувствахъ. Гибель ближняго уже не волновала его душу. Лишь одна его страшная химера внушала ему радость или горе. Ставъ законодателемъ, онъ вообразилъ, что держитъ въ рукахъ небесный бичъ, поражающій злыхъ ради безопасности добрыхъ».

Этимъ объясняются внезапныя измѣненія въ его настроеніи, рѣзкіе переходы отъ крайняго оптимизма къ пессимистическимъ взглядамъ. Радужныя картины будущаго эдема смѣнялись въ болѣзненно-настроенной фантазіи печальными образами, роковыми предчувствіями, выливавшимися въ патетическихъ воззваніяхъ

къ потомству. «Я презираю бренное тѣло, изъ котораго сотворенъ, — говорилъ онъ, — можно преслѣдовать и умертвить его; но кто отниметъ у меня независимую жизнь, которую я создалъ себѣ въ вѣчности и въ небесахъ!» Въ такомъ настроеніи, раздраженный медленностью перерожденія міра и несогласіями, начинавшими раздѣлять Комитетъ Общественнаго Спасенія, С.-Жюстъ, въ концѣ апрѣля 1794 года, отправился въ качествѣ проконсула въ сѣверную армію[1]). Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль неутомимой дѣятельности онъ является здѣсь не только грознымъ судьею и администраторомъ, но и полководцемъ, совершающимъ чудеса храбрости. «Двое изъ проконсуловъ, — читаемъ мы въ «Manuel des Braves» (t. 3-me, p. 199). — С.-Жюстъ и Леба предводительствовали арміей. С.-Жюстъ въ особенности требовалъ безпрекословнаго повиновенія. Умъ его, пылкій отъ природы, былъ экзальтированъ до фанатизма».

Современные памятники, свидѣтельствуя объ отвагѣ и безстрашіи С.-Жюста, приписываютъ ему важное участіе въ побѣдахъ французской арміи. Но при этомъ они говорятъ и о громадныхъ потеряхъ, понесенныхъ ею въ это время, благодаря его безпощадной суровости. Сражаясь на ряду съ солдатами, не щадя собственной жизни, С.-Жюстъ ставилъ такія же требованія и окружающимъ: побѣдить или умереть; и требованія эти онъ предъявлялъ, невзирая ни на какія препятствія, ни на какія жертвы, ставя на карту судьбу всей французской арміи.

«Республика должна завтра же восторжествовать», отвѣчалъ онъ генералу Шарбанье, убѣждавшему его повременить съ осадой Шарлеруа, и Шарлеруа былъ взятъ цѣною гибели нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Между тѣмъ какъ С.-Жюстъ одерживалъ побѣды и пожиналъ лавры, положеніе его партіи въ Парижѣ становилось все болѣе шаткимъ. Насталъ критическій моментъ, когда правительство должно было перейти отъ временнаго революціоннаго порядка, возбуждавшаго всеобщее недовольство, къ правильному, постоян-

[1]) По словамъ Флери, біографа С.-Жюста, нѣсколько различныхъ мотивовъ побудили его уѣхать изъ Парижа въ апрѣлѣ 1794 года, — и, между прочимъ, несчастная любовь къ Генріэттѣ Леба, сестрѣ его друга. По отсутствію необходимыхъ свѣдѣній, нельзя составить себѣ яснаго понятія объ этомъ кратковременномъ романѣ въ жизни С.-Жюста. Гамель передаетъ, какъ фактъ, что С.-Жюстъ любилъ Генріэтту Леба, что она отвѣчала ему взаимностью и была нѣкоторое время его невѣстой. Весной 1794 г. между ними, повидимому, произошла размолвка, тяжело отозвавшаяся на нравственномъ состояніи С.-Жюста. Флери утверждаетъ, что это обстоятельство повліяло на его рѣшеніе удалиться изъ Парижа.

пому и утвердить власть на законѣ; и въ этотъ моментъ въ средѣ его не находилось лицъ, готовыхъ поддержать его въ новой сферѣ дѣятельности. Утомленный борьбой, оскорбленный оппозиціей товарищей въ комитетахъ, Робеспьеръ постепенно утрачивалъ свой престижъ, впадалъ въ апатію, подрывавшую его энергію, — и это въ то самое время, когда все ближе надвигалась опасность. Послѣ празднества въ честь Верховнаго Существа онъ избѣгалъ засѣданій Комитета Общественнаго Спасенія; роль религіознаго реформатора не удалась ему и послужила лишь поводомъ обвинить его въ стремленіи къ диктатурѣ. Раздраженіе его противъ комитетовъ и Конвента, выражаясь въ рѣчахъ, съ которыми онъ обращался къ клубу якобинцевъ, не переходило въ непосредственное, прямое дѣйствіе, способное заглушить протестъ въ самомъ его зародышѣ: въ моментъ опасности въ немъ ярко сказались свойства оратора, господствовавшаго на трибунѣ, но блѣднѣвшаго передъ непосредственной опасностью. Между тѣмъ почва все болѣе ускользала изъ-подъ его ногъ. Съ паденіемъ авторитета его власти большая часть прежнихъ сторонниковъ постепенно отдалилась отъ него. Немногіе единомышленники, слѣпо ему повиновавшіеся, Кутонъ, Леба, Робеспьеръ младшій, были неспособны къ роли главы партіи въ критическую минуту опасности.

И вотъ, съ приближеніемъ борьбы за власть, всѣ взоры обращаются къ С.-Жюсту. Изъ всей партіи Робеспьера онъ одинъ сохранилъ еще вѣру въ самого себя; одинъ представлялся всѣмъ ни на минуту не поколебавшимся въ намѣченномъ пути; одинъ казался одареннымъ административными способностями и умѣніемъ управлять людьми.

Уже въ концѣ мая Робеспьеръ, съ согласія своихъ товарищей, настоятельно требовалъ возвращенія С.-Жюста въ Парижъ. С.-Жюстъ пріѣхалъ въ началѣ іюня; но черезъ шесть дней долженъ былъ возвратиться къ сѣверной арміи; и дальнѣйшія событія правленія Робеспьера, празднество въ честь Верховнаго Существа и установленіе закона 22 преріаля происходили въ его отсутствіе. Вскорѣ послѣ побѣды при Флерюсѣ С.-Жюстъ вторично прибылъ въ Парижъ. Путешествіе его было длиннымъ рядомъ оваццій; опередившіе его курьеры разнесли вѣсть объ одержанной побѣдѣ, и С.-Жюста повсемѣстно привѣтствовали по пути восторженными кликами. Въ Парижѣ всеобщее вниманіе устремляется на него. Уже давно ходили слухи о новомъ 31 мая, задуманномъ Робеспьеромъ противъ большинства Конвента. Теперь, съ прибытіемъ С.-Жюста, угрозы Робеспьера пріобрѣтали реальное значеніе. Всѣ ждали отъ С.-Жюста рѣшительнаго слова,

энергичныхъ дѣйствій; быть-можетъ, ждали, что онъ станетъ во главѣ партіи и замѣнитъ Робеспьера. Но С.-Жюстъ до конца остается вѣрнымъ своему культу Робеспьера: ни въ одномъ его словѣ не сказывается стремленія взять на себя роль, принадлежавшую, по его мнѣнію, Робеспьеру. Выдвигая послѣдняго на первый планъ, онъ поддерживаетъ его силой своего характера, убѣждая открыто высказаться и дѣйствовать рѣшительно и смѣло.

Въ этотъ послѣдній фазисъ борьбы особенно ярко сказывается различіе темпераментовъ учителя и ученика. Стремясь къ одной и той же цѣли — къ возрожденію человѣчества посредствомъ перевоспитанія его, — они вносятъ въ борьбу различные элементы, сообразно различію въ свойствахъ характера. Въ критическую минуту Робеспьеръ, нервный, робкій, мелочно-самолюбивый, держится выжидательной политики, изливая накопившуюся злобу въ длинныхъ рѣчахъ и филиппикахъ, запутываясь въ сѣтяхъ своей собственной діалектики. Раздраженный неудачами, уязвленный въ своемъ тщеславіи, онъ все болѣе утрачивалъ способность къ хладнокровному, твердому образу дѣйствій. Разсказываютъ, что однажды, когда Робеспьеръ вспылилъ во время засѣданія комитета, С.-Жюстъ остановилъ его: «Сдержи себя,—сказалъ онъ,—господство принадлежитъ флегматику» [1]).

Сознавая опасность положенія, С.-Жюстъ видѣлъ единственный возможный исходъ въ провозглашеніи диктатуры,—взглядъ, вполнѣ согласовавшійся съ одной изъ основныхъ идей «Республиканскихъ учрежденій»: «Во всякой революціи необходимъ диктаторъ, чтобы спасти государство посредствомъ силы, или цензоры, чтобы спасти его посредствомъ добродѣтели». И когда настаетъ рѣшительная минута, С.-Жюстъ открыто высказываетъ свою мысль. «Зло достигло высшей своей степени, — объявилъ онъ 5 термидора въ присутствіи обоихъ комитетовъ.—Во Франціи полная анархія... Я вижу лишь одно средство спасенія: сосредоточеніе власти, единство правительственныхъ мѣръ, твердость политическихъ учрежденій... Необходимо связать общественное спасеніе съ судьбой частнаго лица». Въ отвѣтъ на требованіе товарищей высказаться яснѣе С.-Жюстъ докончилъ свою мысль: «Необходима диктатура. Необходимъ человѣкъ, который бы пользовался общественнымъ уваженіемъ и довѣріемъ народа, который былъ бы добродѣтельнымъ и неподкупнымъ

---

1) Barante. „Histoire de la Convention Nationale“, t. 4, p. 397.

гражданиномъ. Этотъ человѣкъ — Робеспьеръ: онъ одинъ можетъ спасти государство» [1]).

Слово «диктатура», произнесенное С.-Жюстомъ передъ собравшимися комитетами, явилось какъ бы сигналомъ къ началу борьбы. Всѣ съ ужасомъ повторяли слова его, произнесенныя въ „Réunion sur Oise" (въ сѣверной арміи): «Нужно думать о томъ, чтобы наполнить измѣнниками націи не тюрьмы, а гробы».

Наканунѣ 5 термидора С.-Жюстъ обратился къ обоимъ комитетамъ съ высокомѣрной рѣчью: «Все скрываютъ отъ моихъ взоровъ; но я буду слѣдить за тѣмъ, что происходитъ. Все, что не походитъ на чистую любовь къ народу и къ свободѣ, подвергнется моей ненависти» [2]). Судя по нѣкоторымъ отрывочнымъ указаніямъ, внутреннее настроеніе С.-Жюста далеко не соотвѣтствовало этому гордому, самоувѣренному тону. Къ печальнымъ предчувствіямъ, давно преслѣдовавшимъ его, присоединилось утомленіе, безотрадное чувство одиночества среди того общества, которое онъ мечталъ преобразовать. Малодушіе Робеспьера, измѣна большинства его приверженцевъ и бездѣйствіе остальныхъ, враждебное отношеніе Конвента и народной массы,— все должно было способствовать этому мрачному настроенію С.-Жюста, и настроеніе это проглядываетъ въ немногихъ бѣглыхъ замѣткахъ, гдѣ онъ высказываетъ задушевныя свои мысли и чувства. Но эти минуты экспансивности являлись рѣдкимъ исключеніемъ: въ глазахъ современныхъ зрителей С.-Жюстъ до конца сохраняетъ свой гордый, надменный обликъ.

Послѣ разрыва съ членами комитетовъ, 8 термидора, онъ на слѣдующее утро бросаетъ имъ высокомѣрный вызовъ: «Вы растерзали мое сердце, я открою его Національному Конвенту». И въ послѣднемъ, рѣшительномъ бою онъ остается вѣрнымъ самому себѣ. Въ обвинительной рѣчи, направленной противъ Коло д'Эрбуа и Бильо-Варенна, онъ открыто и смѣло обличаетъ враговъ своей партіи. «Я не принадлежу ни къ одной партіи,— говоритъ онъ въ своей рѣчи 9 термидора, — я буду бороться со всѣми... Я имѣю въ виду нѣсколько лицъ, которыя изъ зависти стремились усилить свое вліяніе и сосредоточить въ своихъ рукахъ власть... Я открою ихъ заговоры противъ отечества .. и безпощадно выскажу имъ все, что у меня на душѣ». Выступая обличителемъ и судьей, С. Жюстъ сознавалъ безплодность дальнѣйшей борьбы и предчувствовалъ ожидавшую его

[1]) Barante. „Histoire de la Convention Nationale", t. 4. p. 395.
[2]) Ch. d'Héricault. „La Révolution de termidor", p. 338.

участь, и воображеніе его возвращалось къ любимымъ героямъ древности, вдохновлявшимъ его своими подвигами. «Лишь цѣлый вѣкъ позднѣе,—говорилъ онъ въ той же рѣчи 9 термидора,—сострадательное потомство проливаетъ слезы на могилѣ Гракховъ... Судьба, быть-можетъ, предопредѣлила, чтобы трибуна эта явилась Тарпейской скалой для того, кто обличитъ членовъ правительства»...

Прерванный шумными протестами Тальона, Бильо и другихъ членовъ Конвента, поддерживаемыхъ Равниной, С.-Жюстъ принужденъ былъ прервать свой докладъ въ самомъ началѣ. Видя невозможность борьбы, онъ отказывается отъ нея и замыкается въ гордое, презрительное молчаніе. Между тѣмъ какъ Робеспьеръ, блѣдный, растерянный, съ исказившимися чертами лица, тщетно пытался сказать свое слово среди общаго шума и смятенія, С.-Жюстъ безстрастно и спокойно смотрѣлъ на этотъ послѣдній актъ борьбы. Онъ сохранилъ невозмутимое присутствіе духа и въ ту минуту, когда радостные клики «Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ республика!» встрѣтили постановленіе Конвента объ арестѣ Робеспьера и четырехъ его приверженцевъ.

Немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о послѣднихъ дняхъ жизни С.-Жюста, показываютъ его пассивнымъ, безмолвнымъ, погруженнымъ въ самого себя. Дѣятельная энергія его пробуждается лишь на одно краткое мгновеніе, когда, освобожденный по распоряженію коммуны вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, Кутономъ и Леба, онъ увидѣлъ возможность прибѣгнуть къ послѣднему крайнему средству. Вмѣстѣ съ товарищами С.-Жюстъ рѣшился обратиться съ воззваніемъ къ народу и къ войску. Робеспьеръ, по обыкновенію робкій и колеблющійся, предложилъ вопросъ: «Отъ имени кого должна быть составлена прокламація?» С.-Жюстъ гордо отвѣчалъ: «Отъ имени Національнаго Конвента,—онъ съ нами вездѣ, гдѣ бы мы ни находились». Но въ эту самую минуту счастье окончательно измѣнило Робеспьеру и его приверженцамъ. Захваченные въ ратушѣ вооруженнымъ отрядомъ, высланнымъ Конвентомъ, они не успѣли привести въ исполненіе проектъ вооруженной самозащиты.

Среди послѣдовавшей сцены общаго смятенія одинъ С.-Жюстъ сохранилъ полное самообладаніе. Самоубійство друга его Леба, страданіе тяжело раненаго Робеспьера, ожиданіе неминуемой гибели, которая должна была повлечь за собой гибель всѣхъ самыхъ завѣтныхъ его надеждъ,—ничто не могло поколебать его невозмутимаго хладнокровія. При видѣ невозможности дальнѣйшей борьбы, онъ пассивно отдаетъ себя въ руки враговъ и, подобно

Бруту,—имя котораго постоянно возвращалось на его уста,—съ стоическимъ спокойствіемъ ожидаетъ конечной развязки.

10 термидора рано утромъ С.-Жюста привели въ залъ Комитета общественной безопасности. Здѣсь взоръ его упалъ на декларацію правъ человѣка, украшавшую стѣну зала. При видѣ знаменитыхъ изреченій, во имя которыхъ принесено было столько жертвъ, въ воспоминаніи его возстала вся прошлая жизнь, усѣянная столькими терніями, полная тяжелой борьбы, представлявшая напряженное, мучительное стремленіе къ одной завѣтной цѣли, и при этомъ изъ души его невольно вырвалось восклицаніе, полное глубокой горечи: «И, однако, все это создалъ я!»

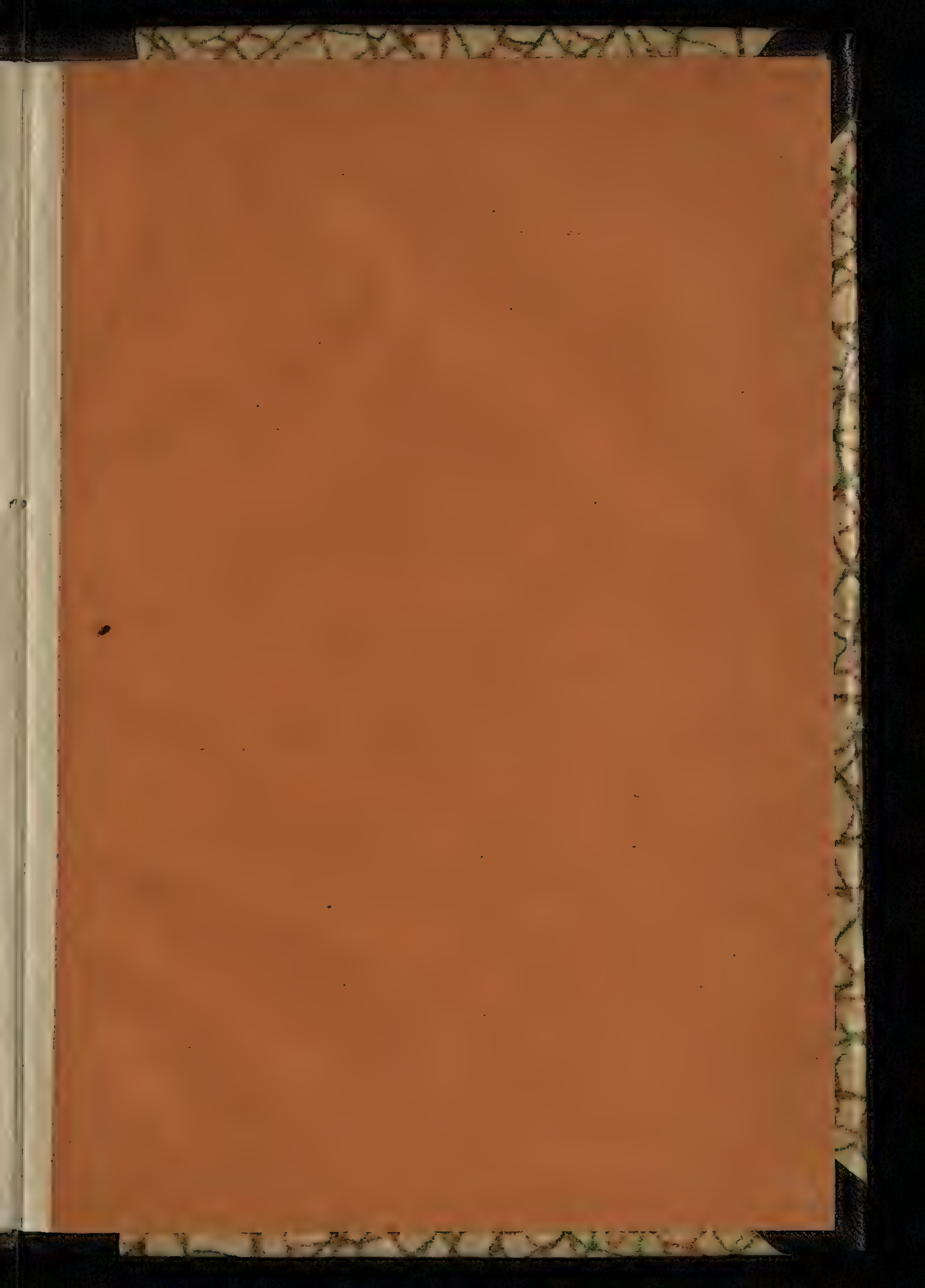
Слова эти, произнесенныя передъ смертью, въ минуту, когда человѣкъ болѣе всего склоненъ отдать себѣ правдивый, чистосердечный отчетъ въ своей жизни,—слова эти свидѣтельствуютъ о глубинѣ его заблужденія и въ то же время объ искренности руководившихъ имъ побужденій. Фанатически преданный абстрактной идеѣ, онъ не дорожилъ ни личнымъ счастьемъ ни самой жизнью. Мысленно переселившись въ міръ героевъ своей фантазіи, онъ давно уже освоился съ представленіемъ о близкой смерти. «Я молю о смерти,—пишетъ онъ,—какъ о благодѣяніи Провидѣнія, чтобы не быть свидѣтелемъ безнаказанности преступленій, совершаемыхъ противъ моей отчизны и противъ человѣчества; немного теряешь, разставаясь съ злополучной жизнью, гдѣ осужденъ прозябать сообщникомъ или безсильнымъ свидѣтелемъ злодѣяній» [1]).

И приговоръ, произнесенный 10 термидора революціоннымъ трибуналомъ, не могъ поколебать душевнаго равновѣсія С.-Жюста,—вызвать въ немъ чувство волненія или страха. Современные очевидцы свидѣтельствуютъ о мужествѣ и спокойномъ достоинствѣ, съ которымъ С.-Жюстъ встрѣтилъ смерть. Громадная толпа народа провожала 10 термидора повозки съ осужденными, направлявшіяся къ мѣсту казни. Въ первой изъ нихъ стоялъ С.-Жюстъ, неподвижный, окаменѣвшій, какъ мраморное изваяніе. Руки его были связаны за спиной; блѣдное лицо поражало красотой и правильностью чертъ; ясный взоръ спокойно останавливался на толпѣ любопытныхъ, невольно поддавшейся чувству удивленія передъ его непоколебимымъ мужествомъ.

Такъ погибъ, 26 лѣтъ отроду, этотъ человѣкъ, богато одаренный отъ природы, полный жизненной силы, энергіи и способности къ самопожертвованію. Вся кратковременная его жизнь

[1]) Замѣтка, найденная въ бумагахъ С.-Жюста.

была посвящена фантастическимъ идеаламъ, подобно миражу, далеко завлекавшимъ его своимъ обманчивымъ, призрачнымъ блескомъ. Видя передъ собой лишь отвлеченный узкій догматъ, онъ шелъ къ нему неуклонно, не оглядываясь кругомъ себя, не обращая вниманія на всѣ жертвы, попираемыя на пути. Болѣзненное честолюбіе, жажда личной славы соединялись въ немъ съ безкорыстнымъ стремленіемъ ко благу человѣчества; безпощадная жестокость — съ сантиментальностью; глубокое презрѣніе къ ближнимъ — съ способностью идеализаціи; поразительная амальгама различныхъ стремленій, противоположныхъ свойствъ и качествъ, — амальгама, которая до извѣстной степени отразила на себѣ разнообразныя и часто пестрыя идеи, опредѣлявшія теченіе французской революціи.

6

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОТЕКА.

Алексѣевъ, В.
Земскіе соборы и народное представительство. Ц. 7 к.

Вѣтринскій, Ч.
Гуманистъ сороковыхъ годовъ (Т. Н. Грановскій). Ц. 15 к.

Гольцева, Н. А.
Женское движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ. Ц. 7 к.

Делевскій, Ю.
Поэзія и проза французской политической жизни. Ц. 10 к.

Дживелеговъ, А. К.
Ростъ представительныхъ учрежденій на Западѣ. Ц. 10 к.

Довнаръ-Запольскій, М. В.
Реформа общеобразовательной школы при императрицѣ Екатеринѣ II. Ц. 15 к.

Его же.
Зарожденіе министерствъ въ Россіи. Ц. 25 к.

Его же.
Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторической наукѣ. Ц. 10 к.

Довнаръ-Запольскій, М. В.
Страница изъ исторіи крѣпостного права въ XVIII—XIX вв. Ц. 20 к.

Его же.
Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго. Ц. 20 к.

Лунцъ, М.
Фабрикантъ и рабочій. Двѣ жизни. Ц. 10 к.

Милль, Д. С.
Избирательныя права женщинъ. Переводъ Н. Мировичъ. Ц. 10 к.

Мировичъ, Н.
Очерки изъ истор. велик. франц. революц.
Камиллъ Дэмуленъ. Ц. 15 к.
Шарлотта Кордэ. Ц. 10 к.
Сенъ-Жюстъ. Ц. 10 к.

Новиковъ, Н. Д.
Московскіе земскіе соборы. Ц. 15 к.

Освободитель Швейцаріи Вильгельмъ Телль. (По Шиллеру.) Ц. 10 к.

Новыя книги:

Врачъ Виноградова-Лунирская, М. Н.
Бесѣда о холерѣ. Ц. 7 к.

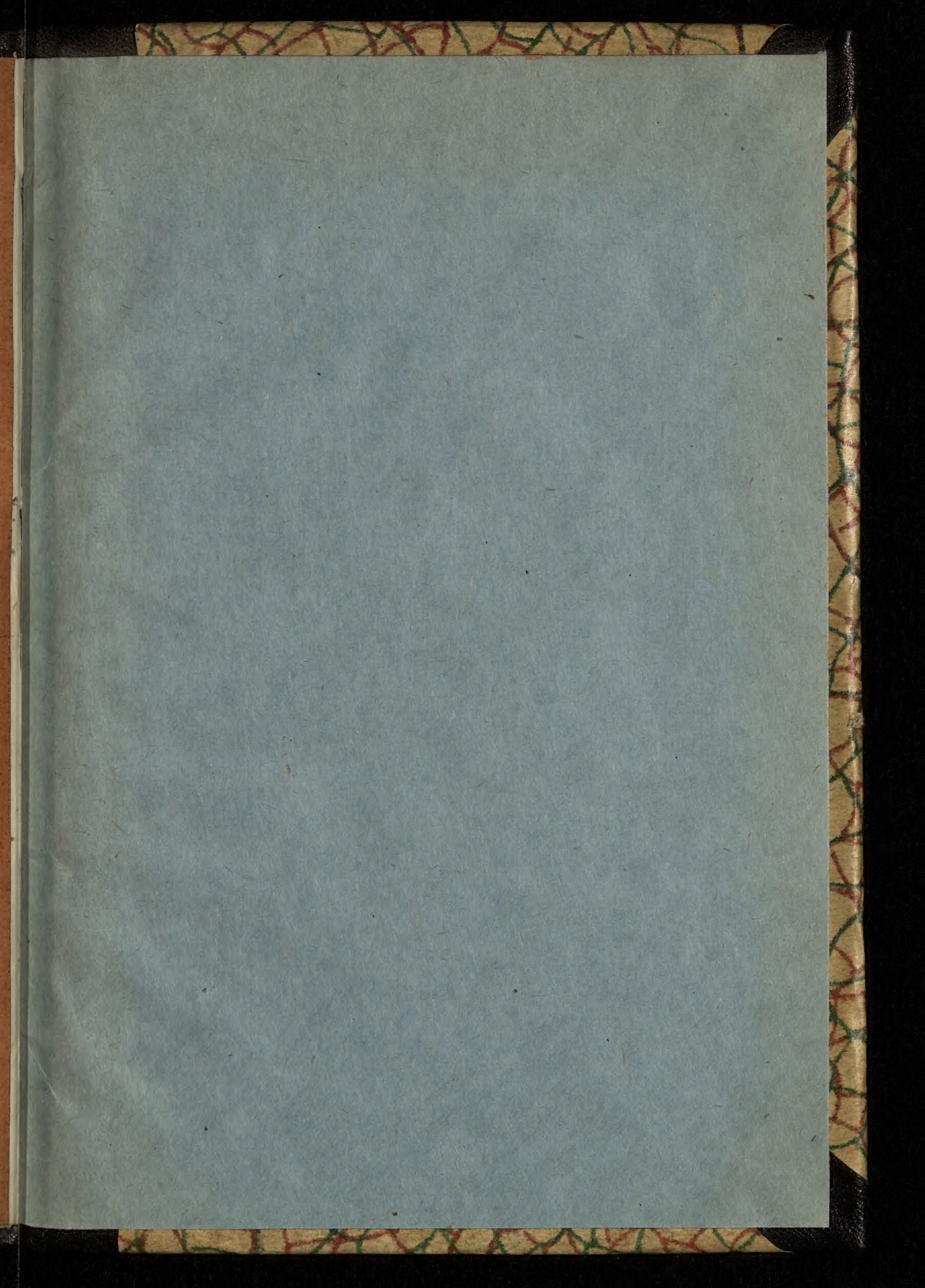
Крюновъ, Н. А.
Праздники древонасажденія, какъ ихъ устраивать и какъ заводить посадку. Ц. 15 к.

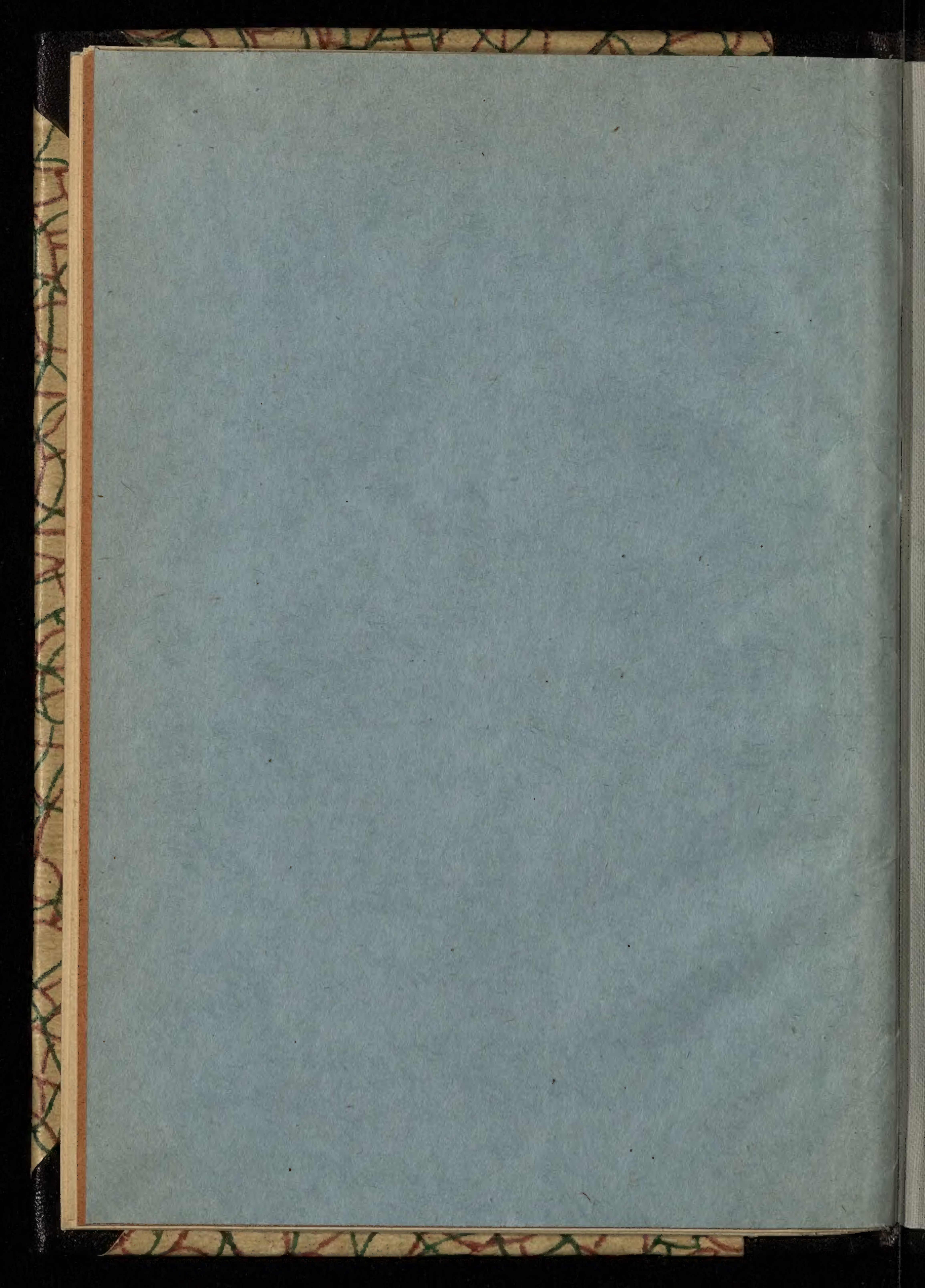
Крюновъ, Н. А.
Чѣмъ живетъ и на чемъ зиждется сельское хозяйство. Ц. 15 к.

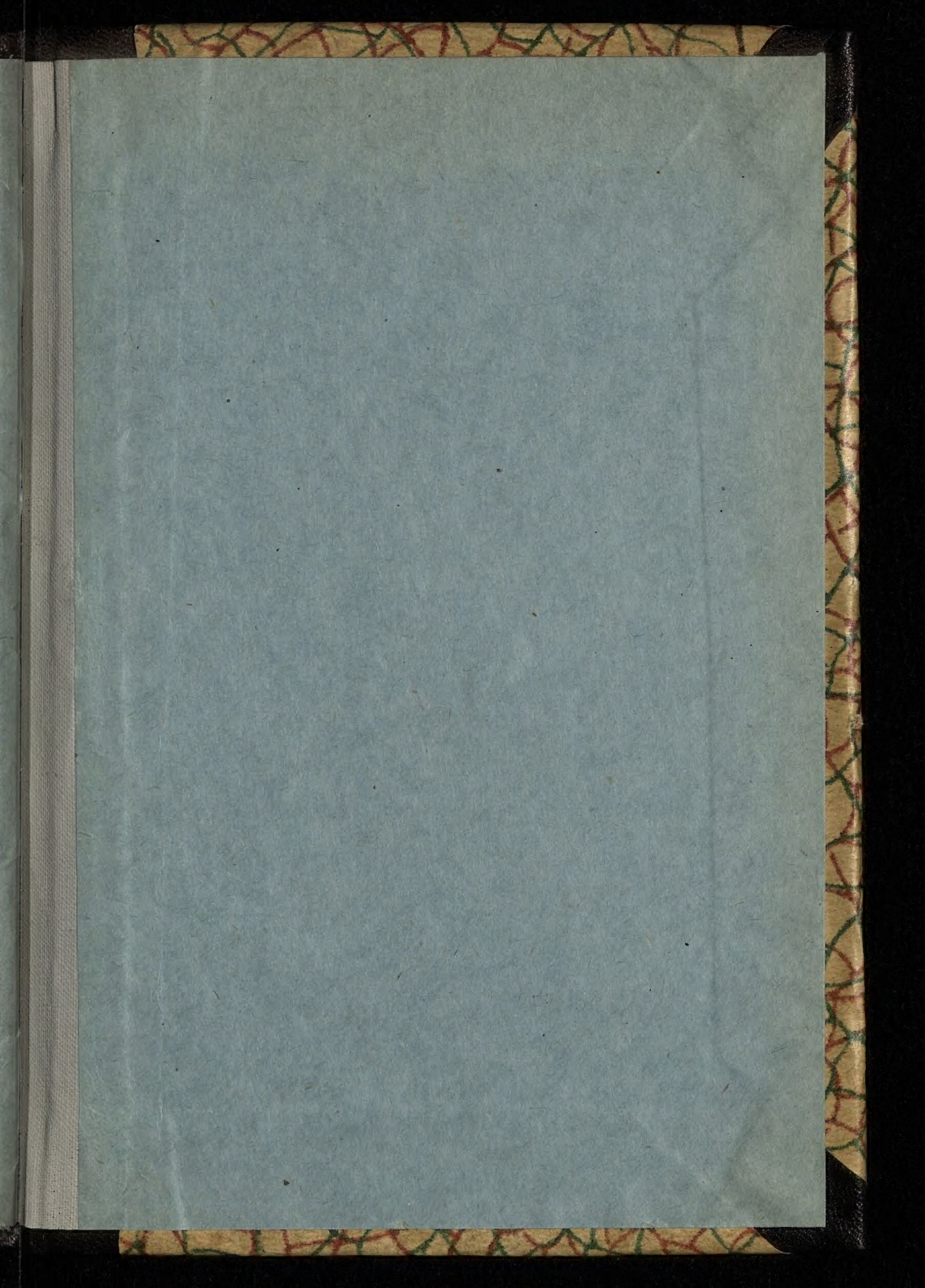
Тищенко, Ѳ.
Люди темные. Быль, разсказанная крестьяниномъ. Ц. 10 к.

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Екатеринбургѣ, Воронежѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Иркутскѣ и на Нижегородской ярмаркѣ.

2020125861